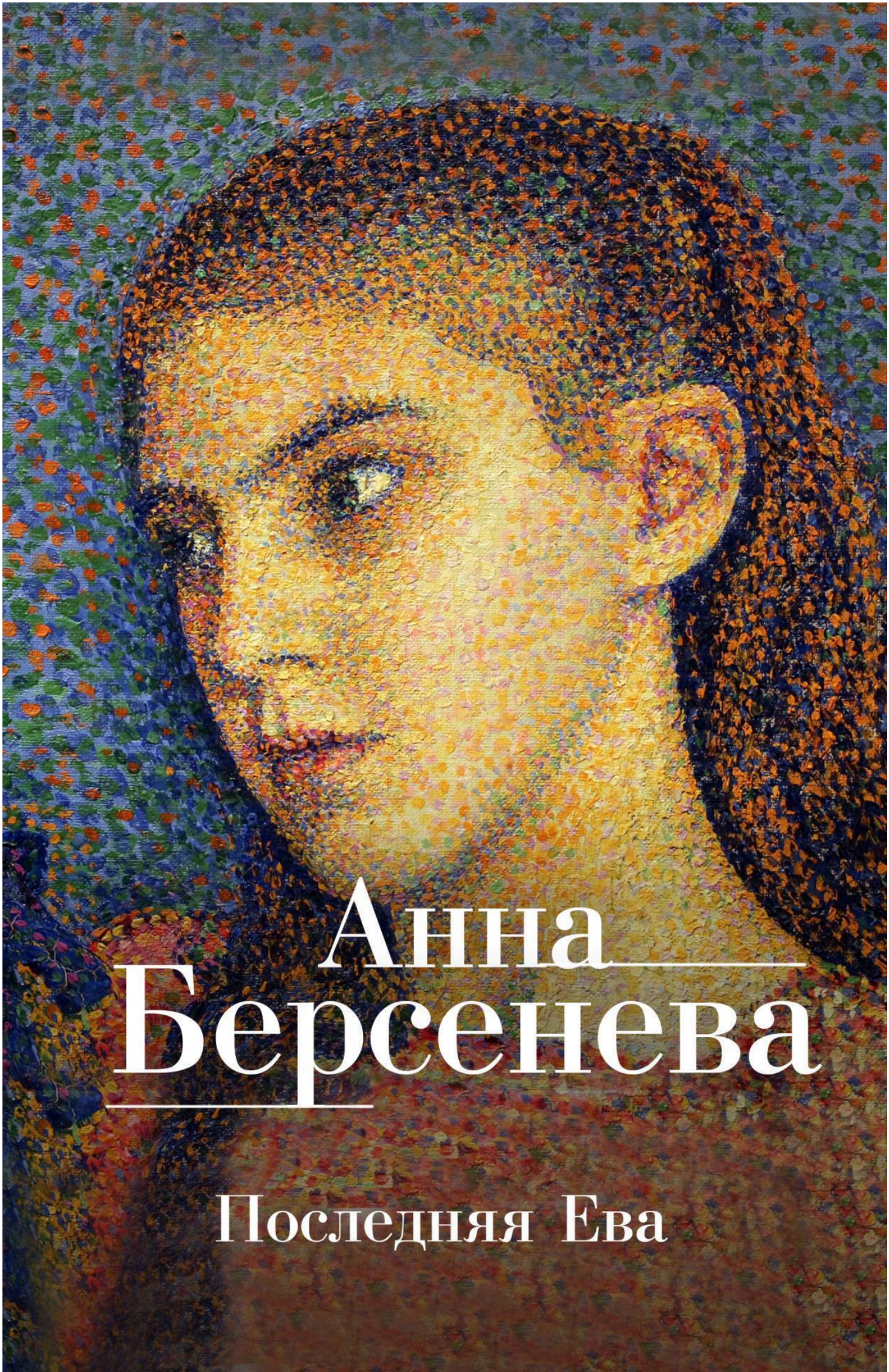

Анна Берсенева

Последняя Ева

Гриневы. Капитанские дети

Анна Берсенева

Последняя Ева

«Анна Берсенева»

Берсенева А.

Последняя Ева / А. Берсенева — «Анна Берсенева», — (Гриневы. Капитанские дети)

ISBN 978-5-699-19836-8

Школьная учительница Ева Гринева – из тех женщин, которые способны любить безоглядно и бескорыстно. Но она понимает, что мужчины, вероятно, ценят в женщинах совсем другие качества. Во всяком случае, к тридцати годам Ева все еще не замужем. Она уверена, что причина ее неудачной личной жизни – в неумении строить отношения с людьми. Ева безуспешно пытается понять, что же значит «правильно себя поставить»… Но не зря говорится, что прошлое и настоящее неразрывно связаны – и события давнего прошлого приходят ей на помощь…

ISBN 978-5-699-19836-8

© Берсенева А.
© Анна Берсенева

Содержание

Часть 1 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 23
Глава 5 27
Глава 6 34
Глава 7 41
Глава 8 48
Глава 9 53
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Анна Берсенева
Последняя Ева

Памяти папы

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книги так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

Тв. Сер
(Анна Берсенева)

Часть 1

Глава 1

Ева сидела у открытого окна и смотрела, как с тихим шорохом опадают на подоконник пионовые лепестки.

Она уже, наверное, не меньше часа сидела вот так, почти неподвижно, а ей все не надоедало. Один цветок еще не раскрылся, а на другом лепестков почти не осталось: все они как тень лежали вокруг синей вазы. Но облетевший цветок казался Еве даже красивее, чем бутон. К тому же каждый новый лепесток обрывался совершенно неожиданно, как будто это происходило на свете впервые и поэтому не могло надоесть.

Ваза тоже казалась Еве необыкновенно красивой, несмотря на отбитый край и стершийся от старости золотой ободок. Зато эта ваза была такого удивительного кобальтового цвета, какого сейчас уже просто не бывает.

Конечно, надо было бы заниматься совсем не этим, и Ева вовсе не собиралась провести воскресный вечер в бессмысленном созерцании пионового букета. Надо было, например, проверить тетради с последними в этом году сочинениями, которые тремя высокими стопками лежали у нее на столе, или сделать еще что-нибудь необходимое. Но час назад, уже открыв верхнюю тетрадь, она услышала этот странный тихий шорох – и вот сидела теперь в поздних майских сумерках у окна, подперев рукой подбородок, и смотрела на облетающие цветы.

– Ева, темно же, почему ты свет не зажигаешь?

Она вздрогнула. Привыкла за это время только к одной неожиданности – к тому, как отрывается от венчика каждый новый, винного цвета, лепесток, – и мамин голос прозвучал поэтому странно. Мама была еще в прихожей, но она ведь слышала Еву даже через стены, поэтому, конечно, догадалась, что та дома, несмотря на выключенный свет.

– Глаза устали, мам, – ответила Ева, быстро смахивая на пол лепестки. – Сейчас включу.

Ей не хотелось объяснять маме, как она провела целый час. Не потому, что та не поняла бы, а просто чтобы не тревожить ее понапрасну. Ева всегда замечала, как легкий и тщательно скрываемый испуг мелькал в маминых глазах, когда та слышала от нее что-нибудь… Что-нибудь такое!

Это с самого детства было так, она даже не могла вспомнить, когда заметила мамин испуг впервые – наверное, слишком маленькая была, чтобы запоминать. Но этот испуг повторялся часто – до тех пор, пока Ева не научилась сдерживать себя. Или хотя бы свои слова.

Она села за письменный стол, включила лампу и придвинула к себе все ту же первую тетрадку с сочинением. Впрочем, обмануть маму было почти невозможно, поэтому Ева особенно и не старалась.

– И тетрадки совсем не проверяла. – Это было первое, что сказала Надя, войдя в комнату. – Промечтала просидела, так ведь, да?

– Ну, промечтала, – засмеялась Ева. – Сумерки, мам… Сумерничала! Я сумерки ведь люблю, ты же знаешь. «Не мерещится ль вам иногда, когда сумерки ходят по дому, тут же возле иная среда, где живем мы совсем по-другому?» – улыбаясь, произнесла она.

– А дальше? – спросила мама, остановившись посередине комнаты.

– «И движеньем спугнуть этот миг мы боимся иль словом нарушить, точно ухом кто возле приник, заставляя далекое слушать», – продолжила Ева, невольно подчиняясь маминой вопросительно-спокойной, но твердой интонации, хотя минуту назад вовсе не вспоминала эти стихи и уж тем более не собиралась читать их вслух.

Впрочем, читать стихи для нее было так же естественно, как дышать, а мамы стесняться не приходилось.

– Ты одна приехала? – спросила Ева, снова безуспешно пытаясь сосредоточиться на сочинении. – А папа, а Полинка?

– Папа завтра вернется. – Мама уже вышла из комнаты и поэтому говорила громко, шурша на кухне какими-то пакетами; хлопнула дверца холодильника. – Не хотел меня на электричке отпускать, но они с дядей Лешей Красниковым еще раз на рыбалку завтра хотят сходить. Сегодня утром так у них клевало хорошо – разохотился. – Даже издалека, через коридор, Ева расслышала улыбку в мамином голосе – почувствовала по тому, как изменились интонации. – А Полина сказала, еще на недельку останется порисовать. Погода, говорит, хорошая, по вечерам туман, жалко такие дни растерять.

Ева улыбнулась, услышав, как спокойно мама говорит о том, что сестра неделю одна будет жить в Кратове. Ее-то она едва ли оставила бы одну на даче, а Полинку – пожалуйста. Хотя Еве уже тридцать два – возраст, в котором говорить даже смешно о материнской опеке, – а Полинке всего семнадцать. Но так тоже было всегда, и к этому Ева тоже привыкла.

Мама меньше волновалась, когда трехлетняя Полина играла во дворе без взрослых, чем когда восемнадцатилетняя Ева выходила пройтись вечером одна.

Но чутье на все, что касалось детей, у Нади было безошибочное, и раз она не беспокоилась за свою младшую дочь, значит, действительно можно было не беспокоиться.

– Бросай-ка свои тетрадки, – сказала она, снова появляясь в дверях. – Ты, милая моя, смотрю, два дня и не ела ничего! Холодник нетронутый стоит, пирог с краю только пощипала. Нельзя же так, Ева! – В ее голосе мелькнула какая-то вопросительная укоризна. – Святым духом, что ли, собираешься прожить?

– Да мне лень просто было, – улыбнулась Ева. – Ну, мам, не сердись! Яйцо варить, зелень резать… За сметаной еще идти для холодника для этого – зачем?

– Я и говорю: как ты будешь жить? – покачала головой мама.

– Почему – буду? Я и теперь уже живу.

Ева снова отодвинула тетрадки, выключила свет и пошла вслед за мамой на кухню, откуда уже доносился запах свежей зелени, порезанной для холодного борща. То, что ей представлялось довольно бессмысленным занятием, мама сделала за минуту, даже не заметив, что вообще что-то делает.

Любая другая мама непременно продолжила бы рассуждения о том, как должна и как не должна жить ее взрослая дочь. Но Надя тем и отличалась от «любой другой», что никогда не давала Еве длинных и бесполезных житейских советов. Просто любила.

Они молча ели холодный борщ. Ева вдруг вспомнила: совсем маленькой она любила смотреть, как готовит холодник черниговская бабушка Поля. Вернее, даже не как готовит, а как в последнюю минуту кладет в кастрюлю капельку лимонной кислоты – и свекольный отвар сразу перестает быть бурым, делается ярко-алым, и тут же настроение становится праздничным, как будто вот-вот придут гости. Гости приходили часто – родственники, или друзья, или соседи, – так что радостное предчувствие редко обманывало Еву в детстве.

Даже сейчас она улыбнулась, доедая последнюю ложку, – только оттого, что вспомнила ту давнюю радость. Хотя давно уже жизнь не обещала особенного праздника, да Ева его и не ждала, и, что самое удивительное, совсем от этого не печалилась.

– Да, мам, Юра звонил! – вспомнила она. – Вчера еще.

Она и забыла-то о Юрином звонке только на те несколько минут, когда разговаривала с мамой. А так – звонок брата как раз и был причиной ее рассеянной сосредоточенности на опадающих лепестках.

– Отпуск взял? – обрадованно спросила мама. – Когда приедет?

Ева помедлила, не зная, как сообщить неприятную новость.

– Да он, знаешь… – наконец произнесла она неопределенным тоном. – Он, может быть, не сразу приедет… С отпуском пока проблемы, там у них учения какие-то будут. На флоте, что ли, – ему надо быть. Он еще сам точно не знает! – поспешила она добавить, заметив, как переменилось мамино лицо.

– У него случилось что-нибудь? – спросила Надя; тревога в ее голосе и взгляде была теперь совершенно определенной и отчетливой. – Что он тебе еще сказал, почему ты мне не говоришь? Он здоров?

Конечно, не стоило ей осторожничать. У Юры не такая работа, чтобы недоговоренность могла успокоить маму. Лучше уж знать не очень радостную правду, чем домысливать всякие ужасы.

– Да ничего страшного, вот честное слово! – успокаивающим тоном сказала Ева. – Здоров, все нормально, и голос веселый… Кажется, – добавила она, вспомнив краткость Юриных фраз, из-за которой даже она не могла угадать его настроение. – Ну да, вряд ли отпуск будет, он скорее всего вообще летом не приедет. Но это же МЧС, все равно что военные, мам, не в первый же раз!

– Не в первый. – Мама уже справилась с волнением, и ее голос звучал теперь спокойно. – Второй год без отпуска – это как? И зря вы с ним меня уговариваете, все я понимаю. Если опять в этом году не приедет, я на следующей неделе сама к нему полечу.

Мамины реакции всегда удивляли Еву. Действительно, ничего необычного нет в том, что Юра два года не был дома. Ничего необычного – если учитывать его работу в сахалинском отряде Министерства по чрезвычайным ситуациям, и его характер, и расстояние между Москвой и Сахалином.

Любая другая мама вздохнула бы, погоревала, смирилась и скорее всего просто стала бы ждать, когда ее взрослый сын найдет в своей далекой неведомой жизни время, чтобы проведать родных. Так, наверное, и надо было бы себя вести, особенно в то лето, когда младшая дочка поступает в институт.

Но Надя из всего делала собственные выводы, и полсуток лету до Сахалина едва ли представлялись ей более существенным препятствием, чем, например, сорок минут езды в электричке.

И это при той ее сдержанности, которая даже Еве, чувствовавшей маму лучше других, иногда казалась странной! Надя никогда не была с детьми открыто хлопотлива и никогда не демонстрировала желания вмешаться в их жизнь; да с Юрой это было бы и невозможно. Но необходимость лететь на Сахалин – так некстати и без всяких видимых причин для беспокойства, – судя по всему, не вызывала у нее и тени сомнения.

Больше они на эту тему не говорили.

Ева убрала тарелки, вытерла стол.

– Сделать что-нибудь, мам? – спросила она.

– Ничего, – пожала плечами Надя. – Иди уж, сочинения ведь не проверила? Что ты смеешься? – спросила она, заметив улыбку, мимолетно скользнувшую в уголках дочкиных губ.

– Да удивляюсь: ты-то откуда знаешь? – объяснила Ева. – Сейчас сяду и все проверю.

Не то чтобы она была безответственна… Хотя, впрочем, Ева и не знала, как называется ее отношение к жизни. Вот Юра, тот точно ответственный, в этом и сомнений нет. А она… Нет, тетрадки, конечно, всегда проверяет вовремя. Но как-то слишком чувствует все настроения, которые невидимым облаком окутывают ее жизнь, – так, наверное.

Даже настроения ее десятиклассников. А им, конечно, за неделю до конца учебного года совсем не до сочинений, и ни одно юное сердце не трепещет: что-то скажет учительница о его торопливых размышлизмах на отвлеченные темы? Потому ей и неохота проверять тетрадки.

Прежде чем снова сесть за стол, Ева наклонилась, собрала с пола увядшие лепестки и бросила в открытое окно. Легкие, они долго кружились в воздухе – пятый этаж, четвертый, второй… И наконец растворились в вечерней полутьме.

Глава 2

Неизвестно, кому казалась длиннее последняя перед каникулами неделя, Еве или ее ученикам. Им-то хотя бы понятно, почему было не до учебы. В конце мая установилась теплая погода, и зелень стала по-летнему густой, и уже можно было купаться – хоть бултыхаться в грязных московских речках, хоть ехать на целый день в Серебряный Бор или на Рублевские пляжи.

Но ведь Ева совсем не испытывала того счастливого нетерпения, которое испытывали ее детки. Да она, кажется, не испытывала его и раньше, когда сама училась в школе – в этой же самой школе на Маяковке, во дворе гостиницы «Пекин». Или просто забыла? Память у нее вообще-то была хорошая, учительская: стихи, например, она запоминала мгновенно и в любых количествах. Но прошлое, настоящее и даже, ей иногда казалось, будущее сливались для Евы в такой единый и трепетный круговорот, что ей трудно бывало вспомнить какое-то определенное событие да еще связать его с тем или иным временем своей жизни. Может быть, она и торопила свое собственное время когда-то в детстве, да теперь забыла.

А теперь она просто чувствовала общее томительное ожидание, от которого, казалось, плавился асфальт в школьном дворе, – и тоже торопила дни.

В понедельник утром, только что умывшись, Ева причесывалась перед зеркалом в ванной, а мама жарила гренки на кухне. Дверь в ванную была открыта, и Ева слышала, как шкворчит масло на сковородке и как мама вполголоса напевает: «В саду гуляла, квиты збырала, кого любила – прычоровала…»

– Мама! – позвала она, вытаскивая шпильки из волос и глядя в зеркало, как освобожденные пряди падают ей на плечи.

Волосы у Евы были светло-русые – то есть самого неопределенного и невыразительного цвета: ни яркая блондинка, ни эффектная шатенка. А в сочетании со светло-серыми глазами – вообще… К тому же волосы были хоть и густые, но слишком тонкие и совершенно не поддавались никакой прическе: рассыпались даже под умелыми парикмахерскими пальцами. Поэтому Ева просто собирала их в большой низкий узел на затылке и закалывала шпильками, как у бабы Поли на старой фотографии. Так они, по крайней мере, казались немного темнее и выразительнее.

Вот у мамы волосы были совсем другие – чудесного каштанового цвета и необыкновенной густоты. Это чувствовалось даже при недлинной стрижке, которую она носила всегда, сколько помнила Ева.

Только на школьных фотографиях мама была снята с длинными косами, уложенными вокруг головы. Такая прелестная маленькая девушка с карими глазами, серьезными и веселыми одновременно.

– Мам, – повторила Ева, – а знаешь, как меня в школе называют?

Песенка на кухне прервалась.

– Как? – спросила Надя.

– Капитанская Дочка.

Ева положила расческу на подзеркальник и, не заколов волос, вышла из ванной.

– Почему? – удивленно спросила мама.

– Не знаю. Из-за фамилии, наверное, почему же еще?

– А! – улыбнулась Надя. – В самом деле, а мне и в голову никогда не приходило.

– Это если полностью, – объяснила Ева. – А так, на каждый день, – просто Дочка.

– Это что же, они тебя прямо в глаза так и называют? – поинтересовалась мама. – Ужас просто, как козу какую-нибудь, честное слово!

– Нет, ну что я, совсем уже… За глаза, конечно.

– А что, я бы не удивилась, – усмехнулась Надя. – Я еще удивляюсь, что они тебя вообще как учительницу воспринимают. Из класса, например, кого-нибудь выгнать… Представить невозможно, как ты это делаешь!

– А я и не делаю, – улыбнулась Ева. – Я же с маленькими не работаю, а на больших это не действует. Они только рады будут, если их из класса выгнать. Да и вообще, мам, у нас это не принято.

Наверное, она вообще не смогла бы работать ни в какой другой школе. Ева ничуть не обольщалась насчет своих педагогических способностей, да и насчет призвания тоже. Любила читать, хорошо училась, к тому же в гуманитарной спецшколе. Куда пойти, если нет никаких определенных стремлений? Сам собою напрашивался филфак – туда она и поступила.

Даже с репетиторами заниматься не пришлось.

– Она и так прекрасно подготовлена, – сказала бабушка Эмилия. – И вообще, нам просто смешно выбрасывать деньги на Евино поступление в университет.

Слово «нам» бабушка подчеркивала особенно, и даже семнадцатилетняя Ева понимала, почему. Во всей Москве, кажется, не было ни одного института, в котором у Эмилии Яковлевны не работали бы подружки, приятельницы, бывшие однокурсники, одноклассники, их жены и мужья – словом, «коллеги и коллежанки», как она говорила. На филфаке МГУ их было просто полно, а бабушка Эмилия была не из тех, кто играет в объективность, когда речь идет о родственниках.

Она удивилась только, когда Ева сказала, что хочет поступать на русское отделение.

– Все учатся на романо-германском, – возразила было бабушка. – Тем более после спецшколы. Совсем другие перспективы, язык… А после русского – в школе, что ли, ты собираешься работать?

Ева тогда вообще смутно представляла себе будущее. Даже завтрашний день, а уж тем более такое отдаленное, как время окончания университета, в который она ведь еще только собиралась поступать. А на русском отделении она хотела учиться лишь потому, что Толстого любила больше, чем, например, Гёте. Так она и объяснила бабушке, на что та только вздохнула.

– Как знаешь, – сказала она. – Ты взрослая девочка, мое дело – предложить.

Если бы выбирать институт пора было Юре, бабушка Эмилия, конечно, не была бы так спокойна и сутки напролет могла бы его уговаривать «как лучше». Хотя Юру, наоборот, бесполезно было убеждать сделать то, что он не считал нужным делать, а Ева легко поддавалась влияниям.

Но у бабушки имелось на этот счет свое мнение, которое она высказывала без стеснения, – и, наверное, была права.

– Юра – мужчина, – сказала она. – Он должен иметь профессию, иметь судьбу. А Еве надо выйти замуж, и чем скорее, тем лучше. Родит детей и будет учить с ними стихи.

Мама, как обычно, не спорила с бабушкой Эмилией. Если она бывала с ней не согласна, то это всегда становилось понятно не сразу, и не по лицу ее, а только по поступкам. Но в этом случае – с чем можно было спорить? Если бы Ева с детства мечтала, например, стать космонавткой, а бабушка уговаривала бы ее работать поварихой в столовой, – тогда другое дело, тогда мама нашла бы способ не согласиться со свекровью. А так… Все ведь понятно.

Все было понятно и потом, когда Ева уже училась на филфаке – конечно, вполне прилично училась, иначе ее и не взяли бы на работу в родную школу, несмотря на бабушкины связи. И когда взяли, тоже все было понятно, и выбор был сделан совершенно точно.

Евина школа, которая теперь называлась гимназией, являла собою как раз ту идеальную точку, в которой только и могла работать такая учительница, как Ева Валентиновна Гринева. Это была центральная школа, одна из самых лучших – из тех, в которые попасть человеку со стороны практически невозможно. Но вместе с тем здесь каким-то чудесным образом сумели

не создать отвратительную атмосферу общего снобизма, столь присущую подобным заведениям.

Может быть, это произошло просто потому, что у них изучали не престижный английский, а немецкий язык. Английская гимназия находилась всего в трех троллейбусных остановках, но отличалась от Евиной, как небо от земли. А может быть, живая, веселая и молодая доброжелательность, которая чувствовалась даже в шуме школьных коридоров во время перемен, создавалась незаметными усилиями директора Эвергетова – несомненно, культовой фигуры.

Эвергетов любил молодых учителей, особенно своих бывших учеников, которых в школе работало немало; Ева и в этом смысле вписалась в общую картину. С каждым из них он беседовал с тем веселым вниманием, которое всегда светилось в его хитрых глазах, – когда они приходили поступать в первый класс, или сдавать выпускной экзамен по немецкому, или устраиваться на работу. Бывшие и нынешние ученики за глаза называли его Мафусаилом, он это знал и только посмеивался.

Еще бы им было не окрестить своего директора именем библейского старца! Эвергетов работал здесь, когда не то что они были первоклашками, но и когда первоклашками были еще их родители. И уже тогда он был директором, и уже тогда, наверное, выглядел так же молодо, как теперь. Что Василий Федорович Эвергетов когда-нибудь не выглядел молодо, а просто был молодым – этого невозможно было себе представить.

В любой другой школе Еву, пожалуй, называли бы не Капитанской Дочкой, а как-нибудь похлеще. И вообще, наверняка она чувствовала бы себя очень неуютно. А здесь детям из интеллигентных семей совершенно чужд был тот дух показной грубости, который в полной мере проявляется в армейской казарме. Если они и посмеивались втихомолку над Евой Валентиновной, то в их насмешках не было злобы.

Ей совершенно не на кого было обижаться, и она не обижалась. Чувство, с которым она жила на свете, ничего общего не имело с обидой.

В школу Ева пришла к началу большой перемены. Времени у нее оставалось достаточно, чтобы подняться в учительскую и взять журнал перед своим уроком. Поэтому она шла почти не торопясь, даже еще остановилась перед входом в арку и прочитала афишу новой выставки в частной картинной галерее, которая располагалась в одном дворе с гимназией.

Группа, выставлявшая картины, называлась «Синяя роза». Читая фамилии художников, Ева размышляла, чего больше в таком названии, желания выделиться или странного очарования.

«Надо Полинку спросить, что это за художники», – подумала она.

– Здравствуйте, Ева Валентиновна! – услышала Ева у себя за спиной и даже вздрогнула от неожиданности, прежде чем обернулась. – А на урок вы не опоздаете?

В двух шагах от нее стоял Артем Клементов, ученик того самого десятого класса, сочинения которого она проверяла вчера.

Фраза была довольно нахальная. Что это такое, в самом деле, указывать учительнице, что ей следует поторопиться! Но голос у Клементова был не нахальный, а вполне спокойный и доброжелательный. Правда, Ева заметила, как одновременно с обращением к ней он отбросил в сторону только что зажженную сигарету. Но, в конце концов, мальчику семнадцать лет, и, сколько ни говори о вреде курения, ничего с ним в этом смысле уже не поделаешь.

– Я успею, Артем, – сказала она, слегка прищуриваясь и вглядываясь в его лицо. – Вы сами не опаздывайте, пожалуйста. Что у вас сейчас?

– Не буду, – кивнул он. – История сейчас. А разве я когда-нибудь к вам опаздываю?

– Никогда, – согласилась Ева. – Вы молодец!

– Рад стараться! – улыбнулся он, и опять его разбитная фраза прозвучала необидно и без насмешки. – А почему вы глаза щурите, а очки не носите?

– Ну… – От неожиданности Ева не сразу нашлась с ответом. – У меня вообще-то зрение нормальное. Это просто привычка. Вредная привычка, – уточнила она. – А что, вас это раздражает?

– Ни капельки, – улыбнулся он. – Я просто так спросил. Пришло в голову – и спросил. Нельзя? Или я вас этим обидел?

– Почему, можно, – пожала плечами Ева. – Вы меня нисколько не обидели. Как можно обидеть вопросом?

Ей легко было разговаривать с Артемом Клементовым, и она действительно не обиделась.

– А я тогда еще спрошу, можно? – тут же произнес он. – Почему вы вчера Анненского читали восьмиклассникам? То есть не почему, а зачем?

– Ни за чем, – не успев подумать, ответила Ева. – Вернее, я думаю, им это может быть полезно… – тут же спохватилась она. – Конечно, его нет в программе восьмого класса, но ведь его и вообще нет в программе, а я считаю, что совершенно напрасно. Я уверена, что им… И вам тоже это полезно, – повторила она.

И тут же поняла, что говорит неправду. Конечно, она читала восьмиклассникам Анненского только потому, что любила его стихи и ей хотелось читать их вслух, а совсем не с благородной просветительской целью. И зачем было притворяться?

Ева почувствовала, как щеки у нее розовеют. Ей почему-то показалось, что Артем сразу распознал ее мимолетную ложь. Так оно скорее всего и было, и она ожидала какой-нибудь язвительной реплики. Но вместо этого он снова спросил:

– А почему вы всех на «вы» называете? Даже пятиклашек, когда у них заменяли!

Забыв удивиться его не совсем уместной настойчивости, она ответила:

– А я по-другому не могу. Мне вообще трудно переходить с людьми на «ты». Только, Артем, пожалуйста, больше не спрашивайте, почему. Я не знаю.

– Извините, Ева Валентиновна, – сказал он. – Я вас обидеть и правда совсем не хотел. Мне просто кажется, что это все впустую…

– Но ведь я для себя это делаю, вы правы, – улыбнулась Ева, хотя он никаких догадок на этот счет не высказывал, во всяком случае, вслух. – Вы правы, я люблю Анненского, вот и читаю. И на «вы» мне проще разговаривать, чем на «ты». Поэтому совершенно неважно, какая польза из всего этого получается. Вы не согласны со мной?

– Я с вами согласен, – ответил он, глядя на нее тем прямым, спокойным взглядом, из-за которого любые его слова и не казались нахальными. – Мне это было просто непривычно, и я не понимал… А теперь вы мне объяснили, и я с вами согласен. Извините.

С этими словами он легко кивнул ей – на мгновение Еве показалось, будто он отдал честь на прощание, – повернулся и исчез в высокой арке.

Конечно, он просто не привык к стилю общения Евы Валентиновны, который давно уже никого не удивлял в их гимназии. Клементов учился здесь первый год: переехал в центр откуда-то из спального района. Переезд связан был с какими-то семейными обстоятельствами, то есть с тем, к чему Ева не любила проявлять праздное любопытство.

«Как все-таки у мужчин все по-другому! – вдруг, без всякой связи с разговором, подумала она. – Вот у него глаза светлые, и волосы светлые, совсем как у меня, а получается очень даже красиво. Серебряный цвет, а не серый – так, что ли?»

Впрочем, думать об этом было уже некогда. Ева торопливо вошла в арку и пошла по дорожке к школьному крыльцу.

Расписание в понедельник у нее было очень неудобное. Два урока, потом окно, потом еще урок. Но это же неизбежно, что у кого-то в какой-то день получается не очень удобное расписание. И почему бы не у нее?

Не то чтобы Ева считала себя обязанной приносить жертвы, совсем нет. Просто у нее ведь действительно меньше проблем, чем у других. Да у нее вообще-то и вовсе нет тех житейских

проблем, которые заставляют учительниц дорожить каждой минутой. Мужа нет, детей нет, домой спешить незачем. И если она может себе позволить даже пройтись в хорошую погоду пешком, то какой смысл требовать, чтобы именно ее расписание было самым рациональным? Это даже неловко…

В учительской сидел только историк Денис Баташов. Он проверял «датский диктант» – Ева сразу догадалась, увидев столбики цифр на одинарных листочках.

– Привет, Диня, – сказала она, садясь за стол напротив него. – У тебя разве тоже окно?

– Привет, – ответил он, не поднимая глаз. – Не-а, не окно, сейчас ухожу. Просто неохота дома возиться, нетворческая работа.

Нетворческие виды работ Денис терпеть не мог и всегда старался выдумать для своих учеников что-нибудь интересное. Совсем недавно, например, он показал Еве длинный список специально подобранных цитат и предложил определить: какое время характеризуется каждым из этих высказываний, Средние века или Возрождение? Ева даже удивилась:

– Думаешь, так просто догадаться? Я не могу… По-моему, любое, хоть бы и наше. «Не следует так долго смотреть на небо, ибо человек ступает по земле», – прочитала она. – Разве не подходит?

– Ребята мыслят более конкретно, – сказал тогда Денис, забирая у нее листок.

И, конечно, он был прав. Он тоже мыслил конкретно, логично; благодаря ему Ева поняла, что именно так и мыслят мужчины. Что в этом состоит их главное отличие от женщин и что, наверное, так оно и должно быть.

Глава 3

Денис Баташов пришел работать в их школу лет через пять после Евы – то есть уже шесть лет назад – и сразу привлек общее внимание. Конечно, в основном внимание незамужней учительской половины, но не только. Денис был не просто перспективным объектом, каковым является всякий молодой и холостой товарищ в преимущественно женском коллективе, но и вообще интересным мужчиной. На таких женщины заглядываются независимо от собственных перспектив, даже если их личная жизнь вполне устроена.

Впрочем, и тех, и других ожидало скорое разочарование: новый историк был слишком увлечен работой, или, по крайней мере, делал соответствующий вид. Не то чтобы он проявлял какое-то высокомерие по отношению к коллегам, вовсе нет! Он был отличный собеседник, умный и веселый, знал множество анекдотов, увлекался туризмом и играл на гитаре. Но все его разнообразные дарования были направлены исключительно на то, чтобы приятно и с пользой проводить время, а совсем не на завоевание податливых женских сердец. И досугу своих учеников Денис уделял куда больше внимания, чем развлечению молодых учительниц.

Некоторое время это его качество являлось главной темой для обсуждения в учительской, а потом все как-то привыкли.

– В конце концов, девочки, это еще не худший вариант! – такой итог подвела месяца через два черноглазая математичка Галочка Фомина. – Хуже было бы, если бы попался бездушный ловелас и ветреник. Таким, девочки, нет места в нашем коллективе, таких мы не одобряем и даже дружно презираем! А Дениска – парень что надо, ведь правда?

– Правда! – откликнулся нестройный женский хор.

Разговор происходил во время чайных посиделок, которые нередко устраивались в учительской – по поводу, а чаще без всякого особенного повода. Благо пирожные в кондитерской при «Пекине» были отменные, а ради дружеского общения не жаль было и засидеться допоздна. Это было давней и одобряемой самим Мафусаилом традицией – такие вот спонтанные и потому особенно приятные посиделки.

В тот вечер посиделки оказались девичником. Никто, конечно, не подбирал компанию, все вышло само собой, и беседа текла непринужденно.

– Поэтому будем считать, что нам всем повезло, – продолжала Галочка, смешно морща остренький носик. – По крайней мере, мы избавлены от проблем дележки, которые могли бы нас перессорить! И все мы в равной мере можем наслаждаться песенками, которые поет наш милый Диня, и даже можем дружно принять участие в крымском походе. Правда?

– Правда! – еще раз дружно ответили молодые учительницы и весело засмеялись.

В самом деле, жизнь до тридцати лет еще, можно считать, только начинается, свет не сошелся клином на симпатичном историке, даже если у него умопомрачительные миндалевидные глаза цвета маренго!

Ева была единственной, кто не участвовал в общем хоре. Она даже специально надкусила в тот момент пирожное и сделала вид, будто не успела его прожевать. Она вообще боялась говорить о Денисе Баташове: при одном упоминании его имени у нее темнело в глазах и стеснялось дыхание.

Такого с ней не было никогда, и она даже предположить не могла, что с ней такое вообще может быть.

При всей своей даже постороннему глазу заметной мечтательности Ева никогда не была влюбчива. Конечно, она жила в каком-то особенном, самою для себя устроенном, а отчасти и придуманном мире. Но этот мир был так полон, что она совсем не ждала появления в нем прекрасного принца, как ждет этого большинство юных девушек романтического склада.

Ее мир был подчинен какой-то особенной гармонии, которую едва ли встретишь в реальности – даже если твоя жизнь заботливо оберегается любящими людьми и поэтому ты можешь не бояться страданий и потрясений. Ее мир был трепетен – так, наверное. И испуг, иногда мелькавший в маминых глазах, был связан именно с излишней душевной хрупкостью, которую Надя чувствовала в своей старшей дочери.

Сама-то Ева забыла, но мама рассказала ей, как в детстве она однажды спросила:

– А что, Маленький Принц ошибся?

– Как – ошибся? В чем? – удивилась мама.

Четырехлетняя Ева тогда приехала на лето в Чернигов, но вдруг заболела, и мама с бабушкой Полей сменялись у ее постели, читая ей до потемнения в глазах все детские книжки, которых много было дома.

– Почему же он ошибся? – повторила мама Надя.

– А зачем он улетел со своей планеты?

– Ну, наверное, ему стало скучно.

Книга про Маленького Принца была прочитана уже дня два назад, и Надя успела забыть, почему он улетел со своей планеты. Тем более что температура у Евы никак не снижалась, врач подозревал скарлатину, мог заразиться двухлетний Юрочка, так что маме вообще было ни до чего.

– Ты представь: он же был там совсем один, – сказала Надя. – Конечно, ему стало скучно! Не с кем даже поговорить… Тебе же скучно, что с Юрой нельзя играть, пока ты больная?

– Да-а, – тихо проговорила Ева. – Но разве ему могло быть скучно? Там ведь можно было смотреть на закат хоть целый день, и там была роза… Зачем же тогда ему нужны были люди?

Ева никому не призналась бы, что и через двадцать лет она думает примерно так же. Впрочем, никто и не ждал от нее никаких признаний.

Появление в ее мире Дениса Баташова было подобно взрыву или землетрясению. Мало того что она впервые в жизни влюбилась – она влюбилась с первого взгляда.

Что Денис не ветреник и не дамский угодник, Ева знала и без Галочкиных объяснений. Взгляд у него был такой, какого не может быть у мужчины, если он все силы прилагает к тому, чтобы нравиться женщинам. Его глаза манили в себя сами собою, словно без всякого его участия и усилия – просто потому, что были глубоки как омуты и так же таинственны…

Ева впервые увидела его на школьном крыльце, еще даже не зная, что это и есть новый историк, о котором она как раз сегодня слышала в учительской. Кончался август, вот-вот должны были начаться занятия, и дел у нее было много. У входа в школу она задержалась буквально на полминуты, и то только потому, что не могла открыть дверь.

Ева возвращалась из магазина «Педагогическая книга», в руках у нее были три увесистые пачки с пособиями по русскому языку для поступающих в вузы. Упражнения в этих учебниках были подобраны так хорошо, что по ним можно было заниматься с детьми уже с пятого класса. Но именно поэтому пособия являлись большим дефицитом. Ева давно караулила их и, узнав, что они наконец появились в продаже, сама побежала в магазин, даже не успев позвать кого-нибудь в помощники.

Так что она стояла на школьном крыльце раскрасневшаяся, запыхавшаяся, растрепанная и безуспешно пыталась открыть дверь ногой, обхватив руками три тяжелые пачки книг и прижимая верхнюю подбородком.

Неожиданно дверь сама распахнулась, едва не ударив ее по лбу.

– Ой! – Ева отпрянула назад и чуть не упала с крыльца. – Извините!

– Это вы меня извините. – Одновременно с этими словами мужчина одной рукой придержал дверь, а другой схватил Еву за плечо, чтобы она не упала. – Давайте-ка ваши книжки! Что же вы такие грузы-то сами таскаете, разве больше некому?

– Спасибо, – смущенно ответила Ева, по-прежнему не выпуская из рук свою ношу. – В самом деле некому.

– А ученики на что? – Мужчина взял у нее все три пачки, и в его руках они сразу показались маленькими и легкими. – Непедагогично себя ведете! Ведь вы учительница?

– Как это вы догадались? – улыбнулась Ева. – Конечно!

Ей тогда было двадцать шесть лет, она всегда знала, что выглядит ровно на свой возраст, и вовсе не предполагала, что на школьном дворе ее могут принять за десятиклассницу.

– Ну пойдемте, учительница, – улыбнулся ее неожиданный помощник; улыбка осветила его лицо таким ясным сиянием, что и солнца было не надо. – До учительской провожу. Я тоже учитель. Коллега ваш новый, называюсь Денис Баташов, будем знакомы.

Наверное, Ева выглядела смешно – такая захлопотанная, спешащая училка. Она чувствовала, что капельки пота выступили у нее на лице и прядь волос, выбившись из прически, прилипла из-за этого к носу. Денис смотрел на нее со своей необыкновенной улыбкой, придерживая плечом дверь и ожидая, когда она войдет в школу.

Августовское полуденное солнце било ему в глаза, мешая смотреть, теперь уже его руки были заняты книжками, и он не мог заслониться от солнца ладонью. А Ева стояла к солнцу спиной, и ничего не мешало ей вглядываться в глаза Дениса Баташова, тем более что он этого не замечал.

Она смотрела и смотрела – ей казалось, бесконечно долго; время растворилось в его глазах. Ноги у нее приросли к земле, и не было такой силы, которая могла бы сдвинуть их с места.

Впрочем, кажется, была.

– Что же вы? – нетерпеливо произнес Денис. – Пойдемте!

Уже поднимаясь вслед за ним на второй этаж, Ева сообразила, что даже не назвала себя, и поспешила исправить эту оплошность.

– Красивое у вас имя, необычное, – заметил Денис. – Символическое, я бы сказал!

Он поднимался по лестнице стремительно, перешагивая через две ступеньки. Ева едва поспевала за ним.

– Вряд ли символическое, – сказала она. – Просто маме оно почему-то понравилось, вот и назвала. Я у нее первый ребенок, к тому же ранний, а у брата с сестрой уже простые имена…

Произнеся это, Ева тут же смутилась. Что это она через минуту после знакомства рассказывает ему такие подробности? Но это получилось как-то само собою. Просто ей мгновенно захотелось рассказать Денису Баташову все, из чего состояла ее жизнь…

К счастью, они уже стояли у двери учительской.

– Спасибо, – сказала Ева. – А вы историю будете вести?

– Да, – кивнул Денис. – Вообще-то мы с тобой, похоже, ровесники. Что это ты меня на «вы» зовешь, как Мафусаила?

Он еще раз улыбнулся, подмигнул, и Ева почувствовала, что сердце ее падает в пропасть. Но Денис уже сбегал вниз по лестнице – легко, стремительно и, наверное, мгновенно забыв об учительнице, с которой познакомился на школьном крыльце.

Но Ева не только не могла его забыть – она не могла не думать о нем все время, каждую минуту.

Это было так странно, так непривычно! Ева знала, что не пользуется успехом у мужчин, и ее это, по правде говоря, мало тревожило. Она даже не пыталась понять, почему это так, а не иначе. Ну, внешность не слишком выразительная, блеклая какая-то. Характер не компанейский. Читает слишком много, не очень любит болтать с подружками. Да у нее и подружек почти нет, чтобы парню проще было подкатиться с приятелем, предварительно договорившись: тебе черненькая, а мне беленькая.

Правда, она не одна была такая на филфаке. Многие «книжные девочки» шли именно сюда, так что Ева не слишком выделялась из общей массы и даже своей незаметностью не

могла привлечь особенного внимания. И дразнить ее было некому: класс у них был хороший, традиционно интеллигентный, на факультете тоже шпана не училась – кому же?..

А того особенного, одинокого и странного мира, в котором она жила, никто из ее одноклассников, а потом и однокурсников не замечал. Да Еве и не хотелось пускать в него посторонних, потому она и не расстраивалась, что за ней не бегают ухажеры, что вот ей уже двадцать, двадцать пять, двадцать шесть, а у нее нет даже того крошечного любовного опыта, который есть у пятнадцатилетней девчонки.

Денис был первым человеком, перед которым раскрылась ее душа. Ева сама не понимала, почему это произошло – так неожиданно, так мгновенно. Но она и не задумывалась особенно, почему. Просто произошло, в первую же минуту их знакомства, когда она ни с того ни с сего рассказала, что мама придумала ей необычное имя.

Это чувство – когда душа раскрывается перед человеком, которого день назад еще не знала, перед мужчиной с бездонными глазами, – было так ново и так прекрасно, что с ним ничто не могло бы сравниться, даже разделенная любовь… Да Ева и не думала о таких невозможных вещах, как разделенная любовь. Она просыпалась с ощущением счастья и засыпала с ним.

Иногда она думала, что большее счастье для нее уже просто невозможно. Ведь и это, так неожиданно на нее свалившееся, переполняло ее, комом стояло в горле, и она не ждала ничего другого.

Только вот встречаться с Денисом в школе ей было трудно. У нее не было не только любовного опыта, но и обыкновенного умения сдерживать свои душевные движения, а уж тем более скрывать их от человека, для которого они и были предназначены.

Поэтому она предпочитала видеться с Денисом как можно реже.

Впрочем, постепенно эта застенчивость стала проходить. Все дело было в нем, в его веселом и легком характере. Денис обладал тем потрясающим обаянием, не ощутить которое мог разве что мертвый. У любого живого человека, независимо от характера, общение с ним вызывало только положительные эмоции. Даже Ева, с ее почти нулевым социальным опытом, догадывалась, что такие люди, как Денис, встречаются чрезвычайно редко.

А уж тем более понимали это учителя, и учительницы, и Мафусаил, и завучи… И, конечно, это понимали ученики, особенно из восьмого «Б», в котором он стал классным руководителем. За Денисом Георгиевичем они ходили толпами и в прямом смысле слова смотрели ему в рот. Такого количества преинтереснейших занятий, которое придумал Баташов, их школа не знала никогда. Комсомол у них и раньше был ненавязчивый, какой-то не очень идейный, а на третьем году перестройки и вовсе растворился в общей школьной жизни, стал совсем незаметен.

Так что деятельность историка Баташова была просто феерической.

Во-первых, он организовал «Исторические чаепития» и лично проводил их каждую пятницу. Счастливцы, которые к ним допускались, ждали этого мероприятия всю неделю. Вообще-то это был ученический аналог учительских посиделок, но разве можно было сравнить!

После шестого урока все желающие восьмиклассники – а их обычно бывало ровно столько, сколько числилось в классных журналах, – сбрасывались кто по сколько мог и отправляли гонца за конфетами или пирожными, смотря по средствам. Чайную заварку Денис Георгиевич приносил сам, а чашки были куплены еще в начале года на деньги родительского комитета.

Чай пили в кабинете истории. Вернее, не просто пили чай, сидя за партами, а слушали рассказ Дениса Георгиевича о Москве – то о Новодевичьем монастыре, то о Кремле, то о Замоскворечье… Да мало ли было чудесных мест в их родном городе, и о каждом он знал что-нибудь особенное, такое, чего не знал, кроме него, никто! Восьмиклассники слушали его истории более увлеченно, чем самый захватывающий детектив.

Чаепитие длилось не больше часа, а потом все присутствующие во главе с неутомимым историком отправлялись в тот самый уголок Москвы, о котором он только что рассказывал. Двое дежурных оставались убирать класс, проклиная свою горькую участь и ожидая следующей пятницы.

Единственная проблема, которая при этом возникала: число желающих участвовать в «Исторических чаепитиях» намного превышало вместимость кабинета. То и дело напрашивались в гости девяти– и десятиклассники, заглядывали на огонек учителя, и, конечно, жаль было им отказывать.

Тогда Денис придумал туристический клуб – это уже позже, получше оглядевшись в школе и разобравшись в обстановке.

В турклуб он принимал ребят, начиная с девятого класса, и от желающих, конечно, тоже не было отбоя. К тому же членами турклуба немедленно стали все учителя моложе тридцати. Даже директор Эвергетов сказал как-то на педсовете:

– А что, Денис Георгиевич, меня-то примете в свою компанию? Или стар я для вас?

– Примем, Василий Федорович, – ни минуты не раздумывая, согласился Баташов. – Это вы-то старый? Да вы молодым сто очков вперед дадите!

Улыбка Мафусаила закрепила за Денисом право на эти и любые другие новшества. С тех пор директор время от времени заглядывал на заседания турклуба и, хотя все-таки не отважился на альпинистское лазанье по подмосковным карьерам, – надежной стеной оградил своих туристов от дурацких проверок и прочей нервотрепки.

К туризму Ева была равнодушна. Вернее, она просто никогда не думала о существовании подобного занятия; Денис Баташов открыл ей и это… Но просто подойти к нему и сказать: «Я хочу пойти с тобой в поход», – это казалось ей совершенно невозможным! Как она произнесет эти слова, чтобы он не догадался, что главное слово здесь «с тобой», а все остальное – хоть на край света?.. Как она посмотрит при этом прямо ему в глаза, как встретит его необыкновенный взгляд, обволакивающий и глубокий?.. Нет, невозможно!

Оказалось, не только возможно, но очень даже просто. С ним все было просто, все получалось само собою.

– Ева, ты что закупаешь, рис или гречку? – спросил он как-то на большой перемене, когда она вошла в учительскую.

– А разве я иду с… вами? – растерянно спросила Ева.

– А разве не с нами? – удивился Денис. – Ты что, занята на каникулах?

– Нет, – пробормотала она. – Конечно, нет…

– Или на демонстрацию хочешь сходить? – подмигнул Денис. – Кто в поход идет, тех Мафусаил от демонстрации отбоярил!

Ева всегда ходила на все демонстрации. Разумеется, не потому, что ей доставляло удовольствие пройтись в колонне мимо Мавзолея, а просто потому, что уважительных семейных причин у нее не могло быть никаких. И в прошлом году ходила, когда пятьдесят старшеклассников и вся учительская молодежь впервые отправились в Крым. Во главе с Денисом…

И вдруг он говорит о какой-то гречке, и говорит так спокойно, как будто само собой разумеется, что Ева идет с ним!

– Я, конечно, лучше в Крым, – чувствуя стремительное биение сердца, сказала Ева. – Мне все равно, что покупать, можно и то, и другое.

Во время осенних каникул поход не состоялся. Оказалось, что в Москве будет проводиться какая-то ужасно важная конференция для молодых учителей, на которой, кровь из носу, требовалось присутствовать. Впрочем, Эвергетов не был бы всеми любимым Мафусаилом, если бы разочаровал своих бывших и настоящих учеников.

– Ужас! – ахнула Галочка Фомина, узнав, что турклубовцам выделяется для похода неделя в начале декабря. – Да мы же там замерзнем в палатках!

– Ничего не замерзнем, – возразил Денис. – Там в декабре – как у нас в октябре, это же Крым. И вообще, чем экстремальнее, тем интересней.

Галочка вряд ли была с этим согласна, но от похода, конечно, не отказалась.

Может быть, если бы Ева пошла в этот первый в своей жизни поход при каких-нибудь других обстоятельствах, то она радовалась бы множеству чудесных мелочей: песням под гитару на перроне Курского вокзала, огромным рюкзакам и разноцветным палаткам за плечами, веселой толкотне в плацкартном вагоне или тому, как девочки затеяли считалку «арам-шим-шим», чтобы разобраться, кто на какой поедет полке…

То есть всему, что в теперешнем своем состоянии она едва замечала.

Но теперь она видела только Дениса, и ей стоило больших усилий вести себя так, чтобы не привлекать внимания окружающих да еще присматривать за вверенными ей детьми. Хотя это еще большой вопрос, не шестнадцатилетние ли дети с большей пользой могли бы присматривать за такой туристкой, как Ева Валентиновна!

А может быть, если бы не особенное, чуткое состояние настроенной на Дениса души, в котором Ева все время находилась, то она и вовсе не стала бы участвовать в этом шумном и суматошном мероприятии. Даже наверняка так. Последний раз она ездила куда-то в коллективе, когда еще училась в школе, да и то это была поездка в Питер, жили они в гостинице Морфлота, и никаких палаток, рюкзаков и гитар не было помину.

Мама, провожавшая Еву на вокзале, явно старалась не компрометировать свою дочку-учительницу излишней заботой: не пыталась помочь нести тяжелый рюкзак, не предостерегала вслух от питья некипяченой воды и даже старалась не подходить слишком близко. И все-таки Ева заметила тень волнения – как всегда, только мимолетную – на мамином лице.

Но особенно обращать внимания на мамины волнения она не могла все потому же: потому что видела только Дениса… То ли уловив ее короткие взгляды, то ли самостоятельно догадавшись, кто здесь главный, Надя и спросила у него, когда он на минутку оказался рядом:

– Скажите, а встретить вас можно будет, когда вернетесь?

Наверное, Денис подумал, что об этом спрашивает родительница какого-то ученика: мало того что Наде было всего сорок пять, так ей никто и этих лет не давал.

– Конечно, пожалуйста, – одарив ее своей чудесной улыбкой, ответил он. – У вас кто классный руководитель? Да вы, наверно, Евина мама? – вдруг догадался он, всмотревшись в свою собеседницу. – Очень дочка на вас похожа!

Ева удивилась этому замечанию. Никто никогда не говорил, что она похожа на маму, да она и сама не находила в себе сходства ни с одним из родителей. Она была как раз из тех, которые ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца.

– Такая же серьезная, – уточнил Денис. – Конечно, встречайте, мы через неделю будем. Этот же поезд, этот же вагон, разве Ева вам не сказала?

«Все-таки он ошибается, наверное, – подумала Ева. – Если я и серьезная, то все равно по-другому, чем мама».

Симферопольский поезд уходил с Курского вечером, уже в темноте. С той самой минуты, как исчез за окном освещенный перрон, все они погрузились в необыкновенное состояние ночной дороги – когда невозможное кажется возможным, и счастье маячит вдалеке, как дрожащие огни печальных деревень, и близкими кажутся даже случайные попутчики…

К Евиному удивлению, детей удалось уложить сравнительно быстро. Впрочем, оказалось, что железная дисциплина была главным условием крымского похода. Всех, кто нарушил ее в прошлом году, Денис Георгиевич отстранил от участия категорически, и никакие уговоры не помогли.

Об этом рассказала Еве Галочка Фомина, с которой они вместе пошли умываться на ночь.

– Он, знаешь, тако-ой там был в прошлом году! – протянула Галя. – Это же только кажется, что он веселый, и все, а на самом деле он тако-ой!..

– Какой? – спросила Ева.

Они стояли в тамбуре. Галочка курила, а Ева, отвернувшись, рисовала какие-то фигурки на запотевшем стекле.

– Ну, волевой, – объяснила Галочка. – Знаешь, бывают такие. Вроде не орет, ногами не топает, а как скажет – так и все, побежишь исполнять как миленький. А вот почему? – удивленно спросила она, неизвестно к кому обращаясь.

Ева, во всяком случае, не могла ей ответить. Могла только согласиться, хотя ей ни разу не приходилось видеть Дениса таким.

– Ой, Евочка, только сначала я пойду, а потом ты, ладно? – сказала Галя, услышав, что дверь туалета наконец хлопнула за стенкой тамбура. – Я лимонаду напилась, ужас! – рассмеялась она; Галочка вообще была смешливая.

Еве душно было в прокуренном тамбуре, щеки у нее горели – может быть, не только от духоты, но и от всех волнений этого вечера. Она открыла тугую дверь и оказалась на площадке между вагонами.

Пол ходуном ходил под ногами, над рельсами свистел воздух, по рельсам стучали колеса, и все это так завораживало, так манило куда-то, что, помедлив мгновение, Ева шагнула в соседний тамбур.

Здесь было так темно, что она не сразу разглядела человека, стоявшего в углу, – только огонек его сигареты. Весь день она видела только его, чувствовала только его – а теперь узнала лишь после того, как он заговорил…

– Какая мама у тебя красивая, – сказал Денис. – И молодая совсем. Это же она тебя Евой назвала?

– Да, – кивнула Ева. – А откуда ты знаешь?

– Да ты же сама рассказывала. Я запомнил.

– Но я на нее все-таки не похожа, – в темноте улыбнулась Ева.

Все исчезло – ее скованность, смущение перед ним, ее неумение сказать ему самую простую фразу. Тишина ночного поезда вдруг сблизила их, и вздрагивающий пол, и свист ветра за приоткрытым окном…

– У мамы глаза темные, а у меня светлые, – сказала она. – Даже водянистые. А ей, знаешь, все говорили: настоящие украинские очи – как ночи. Хоть она и русская, просто родилась на Украине.

– А где? – заинтересовался Денис.

– В Чернигове. Знаешь такой город? Я там тоже в детстве жила, и потом каждое лето к бабушке ездила.

– Конечно, знаю, – кивнул он. – А я там в археологической экспедиции был, когда еще на истфаке учился. Очень красивый город, церкви какие! Ты не куришь? – Он протянул Еве пачку сигарет.

Глаза ее уже привыкли к темноте, и она ясно различала его руку с узким запястьем и длинной, красивой формы ладонью.

– Нет, спасибо, – покачала головой Ева. – У нас почти все девчонки курили на филфаке, но я так и не научилась.

– Ничего страшного. – Он снова улыбнулся в темноте. – Я специально здесь спрятался, чтоб пример не подавать. Последние докуриваю, в Крыму не буду. Хорошо, что ты поехала.

Она так растерялась от этих его слов и от того, как он их произнес – спокойно и ласково, – что не могла не только ответить ему что-нибудь, но даже вздохнуть.

Денис затянулся последний раз, бросил окурок в приоткрытое окно. Мелькнула огненная змейка и тут же исчезла в темноте.

– Пойдем, – сказал он. – Что там гаврики наши поделывают? Что-то больно скоро угомонились.

– Тебя боятся, – с облегчением улыбнулась Ева.

– Разве я такой страшный? – Он тоже улыбнулся в ответ. – Ты же меня не боишься!

С этими словами он открыл дверь тамбура, вышел первый и, взяв Еву за руку, помог ей перейти через лязгающий железный мостик.

– Куда ты девалась? – напустилась на нее Галочка, когда Ева вышла в закуток перед туалетом. – Я тебе очередь держу, никого не пускаю, на меня уже наорали!

Ева смотрела на нее таким взглядом, как будто видела впервые в жизни.

Глава 4

В Крыму Еве, конечно, бывать приходилось, как приходилось бывать с родителями в Крыму любому ее ровеснику. Это потом стали популярны другие места: Анталья, Кипр, Испания… А в годы ее детства слово «Крым» еще было синонимом отдыха.

Но едва она ступила на перрон симферопольского вокзала, как тут же поняла, что прежде бывала в каком-то совсем другом месте. Все теперь было другое, даже воздух, в котором она чувствовала особенные, живые токи…

Весь мир, в котором она оказалась рядом с Денисом, после его слов: «Хорошо, что ты поехала», – преобразился до неузнаваемости.

Зима в этом году стояла такая теплая, сухая и ясная, что воздух казался промытым, как стекло.

– Повезло с погодой, – заметила Галочка. – В прошлом году даже в ноябре просто ужас что было! Снег вдруг как пойдет, хуже, чем в Москве. Под ногами чавкает, обувь вечно мокрая.

Глядя, как медленно плывут по высокому небу белесые облака, Ева не знала, можно ли назвать все это метеорологическим словом «погода». Мир вокруг нее впервые сливался с трепетным миром в ее душе, и для этого не было слов.

Но долго любоваться облаками было некогда. Денис уже построил «гавриков» на перроне, уже прозвучала команда: «В лямки!» – и Еве стало стыдно, что она занята неизвестно чем. Она попыталась было сделать что-нибудь полезное, но тут же поняла, что в ее усилиях нет особой необходимости.

Всего за год Денис сделал из своих учеников таких бывалых туристов, с которыми, конечно, не Еве было тягаться. Они все умели сами, они действовали так ладно и быстро, что она, пожалуй, только помешала бы, если бы стала путаться под ногами. К тому же в поход в основном пошли мальчики, поэтому даже трем отважным девочкам-девятиклассницам была настоящая лафа, не говоря уж о Еве и Галочке. Им даже нести ничего не пришлось, кроме рюкзаков со своими вещами. Все остальное, вплоть до запасов крупы, было распределено между мужчинами.

Маршрут, по которому они собирались идти в сторону Алушты, был, оказывается, исхожен тысячами туристов. А Денис – тот просто наизусть его знал, потому и повел сюда своих турклубовцев. Никаких скал и пропастей на их пути не предвиделось.

До Перевального доехали троллейбусом, а дальше идти по горам, поросшим лиственным лесом, было легко.

Правда, Ева и не замечала, легко или трудно ей идти по мягкой, покрытой бронзовой листвой, лесной земле. Она шла почти что замыкающей, за ней оставался только Игорь, бывший однокурсник Дениса и его неизменный спутник во всех его походах. Ева все время видела, как мелькает далеко впереди ярко-оранжевый баташовский рюкзак. Такой шикарный рюкзак, как сообщила осведомленная Галочка, он купил в Мексике, куда ездил на какие-то археологические раскопки.

Шли они недолго: надо было разбить лагерь до сумерек, а темнело в Крыму быстро. Пока нашли поляну, пока собрали дрова и поставили палатки – время пролетело незаметно, и Ева даже устать не успела. Но если она не устала потому, что рядом был Денис, то остальные просто сами по себе не устали, объятые тем счастливым воодушевлением, которое всегда владеет в таких походах молодыми, веселыми людьми.

Правда, Денис был не совсем рядом с нею: он одновременно оказывался по меньшей мере в трех местах. Трое ребят не могли поставить палатку, потому что не подходили какие-то дуги, – и он подбирал нужные. Костровой Саня Журавлев никак не мог развести именно такой

костер, на котором можно сварить кашу: не маленький, но и не слишком большой, – и Денис уже складывал дрова какой-то особенной пирамидкой.

Костер Ева как раз таки умела разводить: папа научил на даче в Кратове, когда она была еще совсем маленькая. Ее завораживал огонь, она подолгу могла следить за тем, как он вспыхивает крошечной искоркой, потом начинает дышать и разрастается от собственного дыхания, охватывает сухие дрова.

Она подошла к Денису с Саней и предложила:

– Давайте помогу? Внутрь надо помельче щепочки, чтобы сразу загорелось.

Это она сказала уже только Сане, потому что Денис, конечно, знал, как следует укладывать дрова для костра.

– Помоги, – кивнул Денис. – И девочкам потом, ладно? А то они, помню, в прошлом году кашу в первый день так сварили, что угля не надо было. Проследи за ними, пока наловчатся!

Штормовка на нем была расстегнута, он раскраснелся от беготни по лагерю, и веселые искорки вспыхивали в глубине его глаз, как в костре.

Денис улыбнулся Еве и тут же исчез за палатками, а она опустилась на колени перед сложенными дровами и принялась показывать костровому, как ломать щепочки и подкладывать под них сухую траву.

Все дни этого путешествия слились для Евы в одну чудесную череду. Все шло отлично, поход не омрачался никакими чрезвычайными происшествиями, которых можно было бы ожидать с тремя десятками детей, даже таких умелых, как турклубовцы Баташова.

Конечно, все дело было в Денисе. Если даже Ева мгновенно заражалась его молодым и стремительным задором, то что было говорить о подростках! Они смеялись на ходу, даже когда подъем становился крутым и ноги скользили по опавшим листьям, они безропотно ели суп с луком, который каждый из них в рот не мог бы взять дома, они беззлобно спорили, чья очередь спать в середине палатки…

И, конечно, они пели.

Денис взял в руки гитару уже в первый вечер, и с тех пор она звучала не переставая. На гитаре играли и Игорь, и Саня Журавлев, и даже пятнадцатилетняя кокетка Леночка Беринская. Но Ева слышала только его голос – звенящий, взлетающий, чуть охрипший оттого, что все время приходилось говорить громко, для всех.

Первый вечер он начал песней «Новый поворот», которая Еве нравилась и сама по себе, а уж тем более в его исполнении – даже больше, чем в авторском. Песню эту знали все, и все мгновенно подхватили слова, и она тоже.

– Во-от – новый поворо-от! – неслось вниз с горы над лесными вершинами. – И не разбере-ешь, пока не поверне-ешь!..

Отблески костра мелькали на Денисовом лице, от этого оно казалось еще живее, а глаза – еще таинственней. Ева сидела как раз напротив и смотрела на него сквозь огонь – на его губы, на пляшущие по струнам пальцы, на темный, чуть обгоревший от случайной искры завиток на виске… Стремительность, изящество чувствовались в каждом его движении и во всем его облике.

Палатки были пятиместные, так что все женщины умещались в одной. Обязанности на них лежали в основном кухонные, да и то для мытья посуды каждый раз назначались дежурные.

У них уже были свои туристские байки, которые со смехом рассказывались у костра. Например, как Галочка пошла мыть миску и уронила ее в ручей. Стала доставать миску ложкой – утопила и ложку. Половник показался ей достаточно длинным, чтобы выудить посуду со дна ручья, – и половник немедленно полетел туда же!

Ева находилась в том странном состоянии, в котором сама не могла разобраться. Она не то чтобы не участвовала в общей веселой жизни – она участвовала в ней как-то внешне. А жизнь у нее по-прежнему была своя, протекающая по никому не видимым законам…

Хотя, конечно, за любое дело она бралась так же охотно, как и все участники похода. Раздавала сухари и сухофрукты во время особенно длинных и утомительных переходов. Следила, чтобы никто из ребят не натер ноги или хотя бы вовремя заклеивал потертости пластырем. В очередь с другими девчонками готовила еду. Помогала костровым, потому что они сменялись каждый день, а Денис во всеуслышанье заявил:

– Ребята, в этом походе каждый из вас должен научиться разжигать костер! Хотя бы вполовину так же классно, как Ева Валентиновна!

Ева подозревала, что его похвала была сильно преувеличена, но для нее тем более приятна.

Она привыкла к тому, что он постоянно находится рядом, и давно уже не стеснялась и не смущалась. Ну, утром только сердце вздрагивало каждый раз по-новому и каждый раз спрашивало: неужели?..

Ева видела, что он смотрит на нее не совсем так, как, например, на Галочку. Какая-то обещающая ласка сквозила в его взгляде, этого невозможно было не заметить. Даже она не могла не заметить, хотя с нею все это происходило впервые…

Все они постоянно находились друг у друга на виду, и едва ли можно было рассчитывать на какие-то более явные знаки внимания со стороны командира, да еще при учениках. Но Ева и не думала, что может быть что-то прекраснее, чем этот удивительный взгляд, чем эта улыбка, таящаяся в правом, чуть приподнятом уголке его губ, – там же, где была маленькая родинка…

Предпоследний день похода оказался самым трудным.

Вообще-то и предполагалось, что он будет самым трудным, потому что на этот день было намечено восхождение на плато, с которого можно будет увидеть море. Но когда утром их палатки едва не снесло ветром – даже Денис засомневался.

– Может, не пойдем наверх? – На совет он собрал у входа в палатку Игоря и Галю с Евой. – Двинем сразу на Алушту, лишний день там побудем до отъезда, а?

– Ты меня спрашиваешь? – хмыкнул невозмутимый Игорь. – По мне, так ничего страшного. Ну, ветер. Не на Эверест же поднимаемся, авось не сдует!

– А снег пойдет? – продолжал сомневаться Денис. – Простудятся, слягут все в один миг… Вы как, девочки?

– Мы не сляжем, – ответила Ева, и Галочка согласно кивнула. – Но я ведь не знаю… Я-то пройду, а ребята? Это не опасно, туда подниматься?

– Ну, если ты пройдешь, то ребята и подавно, – улыбнулся Денис. – Ладно, под мою ответственность! – решил он. – Жалко же упустить такое восхождение, правда?

Снег, о котором он говорил, пошел еще до того, как они покинули стоянку. Рюкзаки собирали уже по трое: один укладывал, а двое держали над ним растянутый брезент, чтобы не намокли вещи.

Из-за пронизывающего ветра, серого снега и мгновенно размокшей земли ребята слегка скисли. Но предложение Дениса отправиться прямиком в Алушту они с возмущением отвергли.

– Мы че, младенцы? – пробасил Леша Кухарчик. – Можно жребий кинуть и кому-нибудь девчонок напрямую отвести, если они боятся!

Неизвестно, боялись ли девчонки, однако Лешино заявление было сочтено ими для себя оскорбительным.

Но вверх они еле ползли и останавливались на отдых гораздо чаще, чем обычно. А во время отдыха падали на свои резиновые сидушки и с трудом реагировали на команду: «В лямки!» Даже есть никому не хотелось от усталости, и ноги у всех давно промокли.

Дорога делалась все круче, снег падал огромными мокрыми хлопьями, тут же превращался в грязь, и казалось, что до плато они не доберутся никогда.

– Ребята, всего ничего осталось! – вдруг закричал Денис. – Видите, граб одинокий? Я его отлично помню, ровно через полчаса будем на плато! «Во-от – новый поворо-от!» – запел он.

Они последний раз отдохнули под огромным грабовым деревом, которое действительно стояло на круглой поляне в полном одиночестве, и вскочили на ноги с таким видом, какой был у римских воинов, отправлявшихся на штурм вражеских крепостей.

В этот день Ева, наверное, была единственной, кто не чувствовал усталости. Она видела, что Денис изо всех сил старается ободрить ребят, и ей так хотелось помочь ему в этом, что было не до себя. Она пела даже громче, чем обычно, и старалась идти быстрее, и во время привала тормошила за плечо Леночку, которая едва не плакала из-за сырого ветра и мокрых ног.

Она так увлечена была этой невидимой помощью ему, что даже не заметила, когда крутой подъем вдруг кончился.

– Все, ребята, мы на плато! – Денис сорвал с головы вязаную шапочку и победно вскинул руки; его мокрые волосы колечками прилипли ко лбу. – Мы молодцы и право на отдых заработали упорным трудом!

Тут ветер вырвал из его рук шапочку и как пушинку унес куда-то вниз. Но Денис не обратил внимания на такую ерунду.

– Лагерь разбивать, быстро! – скомандовал он. – Во-он в том лесочке, пониже, там дует меньше. Через сорок минут все должны сидеть в сухой одежде по палаткам и пить горячий чай с лимоном!

Началась обычная суета, которой всегда сопровождалось устройство лагеря. А на этот раз все торопились еще больше: угроза массового лазарета была вполне реальна. Ставили палатки, разводили костры, бегали за водой к роднику, который был обозначен на Денисовой карте.

За общими хлопотами Ева даже забыла взглянуть с плато вниз, на море. Да его и все равно не было видно в сплошной снежной мгле.

Глава 5

Время суток Ева всегда угадывала так точно, что ей и на часы не надо было смотреть. Она сама не понимала, как у нее получается, но это странное чутье никогда ее не подводило.

Время протекало сквозь нее как ручей, и она изнутри чувствовала все его незримые повороты.

Поэтому, едва проснувшись, она поняла, что сейчас раннее утро и что спала она совсем недолго. Ее удивила только тишина снаружи – вчера вечером палатка зловеще гудела от ветра.

Галя и девочки, конечно, еще спали: сказывалась усталость вчерашнего дня. Лежащая в середине Леночка даже похрапывала слегка – наверное, нос у нее был заложен.

Ева спала у самого полога, поэтому выбраться наружу можно было совсем незаметно. Ей показалось, что она и не засыпала вовсе. Беспричинно счастливый холодок в груди не похож был на утреннюю вялость.

Она осторожно расстегнула «молнию» полога и выглянула из палатки.

Несколько секунд она не могла понять, где находится. Вернее, она просто ничего не видела и даже не различала, где верх, где низ. Самый воздух исчез – вместо него все было окутано сплошным туманом.

Еве вдруг стало страшно. Она не понимала, откуда взялось это чувство и с чем оно связано, но у нее даже руки задрожали. Ощущение одиночества и покинутости было в этом плотном белом мареве таким острым и жутким, что она едва не заплакала.

Она выбралась из палатки, встала и огляделась. На расстоянии вытянутой руки все-таки можно было кое-что различить, но уже в двух шагах не видно было ни зги. Не понимая, куда идет, Ева сделала два шага вперед, потом еще два, еще…

Она шла без дороги, охваченная необъяснимым испугом и растерянностью, спотыкалась о древесные корни и едва не падала. Неподвижность воздуха, ставшего туманом, не давала ей понять, кончился ли уже лес и где она находится.

Но вскоре деревья, различимые сквозь туман, поредели, а потом и совсем исчезли. Ева стояла на том самом плато, до которого они с таким трудом добрались вчера вечером.

Теперь здесь было так же безветренно и тихо, как в лесу, и так же невозможно было понять, где начало и где конец этой ровной площадки.

И в этой огромной, всеобъемлющей тишине Ева впервые услышала глухой шум. Море шумело далеко внизу, и манило к себе, и тревожило…

Как завороженная, Ева пошла туда, откуда доносился грохот набегающих волн, как будто можно было в одно мгновение преодолеть расстояние до берега.

Она по-прежнему не видела ничего впереди и шла наугад, ожидающе вытянув руку перед собою. И когда вдруг наткнулась на какую-то преграду, то вскрикнула от неожиданности.

И тут же почувствовала, что эта преграда – мужчина: его плечи, его грудь, на которой распахнута штормовка, и руки с узкими запястьями, и колкая щека, к которой Ева прикоснулась пальцами…

Денис обнял ее прежде, чем она успела понять, что к нему и шла сквозь сплошную белую мглу. Может быть, он заметил ее издалека даже сквозь туман, а может быть, сделал то, что давно хотел сделать и что вдруг получилось само собою.

Ева почувствовала, как ее руки сами собою ложатся ему на плечи, обхватывают его шею и смыкаются сзади, гладя его затылок, жесткие завитки волос на грубом вороте свитера… Вся она приникла к нему, снизу заглядывая в его глаза и дрожа всем телом.

Дрожь не утихла даже тогда, когда он наклонился и поцеловал ее – сначала в лоб, прямо в выбившуюся легкую прядь, а потом, тихо и медленно, – в губы.

Первый в ее жизни поцелуй длился бесконечно – в замершем времени, в застывшем тумане. Целоваться Ева не умела, и губы у нее все время были сомкнуты, как ни старался Денис их раздвинуть своими твердыми губами.

Он первый и ослабил объятья, и отстранился от нее – совсем чуть-чуть, глядя прямо в Евины испуганные и счастливые глаза.

– А я побриться даже не успел, – сказал Денис. – Колючий?

Брился он какой-то антикварной заводной бритвой, которая смешно жужжала у него в руках. Денис говорил, что эта бритва досталась ему от деда-археолога.

Щеки его и в самом деле кололись, и Ева даже специально провела по ним еще раз, чтобы снова ощутить их пальцами, – его ощутить…

– Тебе тоже не спалось? – спросил он. – Молодцы мы, правда? Дошли… Жалко, туман, моря не видно. Но ничего, через часок развиднеет, налюбуемся еще. Потом в Алушту двинем.

Ева по-прежнему молчала. Что она могла сказать, когда ее руки все еще лежали на его плечах и она всем своим телом слышала его дыхание, голос его слышала внутри себя?

Весь мир лежал где-то внизу, у их ног, невидимый в туманной пелене, и шумел так же мощно и величественно, как штормовое море. А они стояли в полном одиночестве, скрытые ото всех, и весь этот далекий мир казался Еве нереальным.

Только его голос был реален, только его простые слова.

– Пойдем? – сказал Денис. – Пора ребят будить, а то до обеда заспятся. А нам еще место менять надо. По-моему, нас тут прямо облаком накрыло!

Он улыбнулся так же весело, как улыбался всегда, когда говорил о своих любимых «гавриках», и, наклонив голову, снова поцеловал Еву. Он поцеловал ее так мимолетно, так легко, как будто делал это тысячу раз. И ей тут же показалось, что он делал это тысячу раз.

Губы она опять не разомнула: она просто не знала, что надо это делать. А глаза ее, наоборот, были широко открыты, потому что ей было жаль каждого мгновения, в которое она могла видеть его удивительные темные глаза…

Денис шел впереди своей легкой, уверенной походкой – ему и туман ничуть не мешал, – а Ева шла за ним и чувствовала, что ступает в его следы.

Едва ли они действительно попали в облако: туман развеялся даже раньше, чем они спустились вниз с горы. Но мир, по которому они шли друг за дружкой, казался еще более странным, необыкновенным, невозможным, чем был в тумане. Все деревья были покрыты инеем, и уже одного этого было достаточно, чтобы казалось, будто они идут в полной тишине по зачарованному сказочному царству. К тому же все было оковано льдом, и от этого на разные голоса хрустели и звенели под ногами все листья и травинки.

В этой тишине, в этом ледяном звоне Ева смотрела на мелькающую впереди высокую фигуру Дениса, и ей не верилось: неужели это ее он целовал всего час назад, неужели это ее губы хранят тепло его дыхания?.. В это невозможно было поверить, но это было так. Губы хранили память о его губах и колком прикосновении его щеки.

Туман вскоре развеялся, но день все равно прошел для Евы как в тумане. Она не помнила, как разбивали новый лагерь – немного халтурно, потому что к вечеру все равно предстояло сниматься и выбираться на трассу, чтобы ехать в Алушту. Не помнила, как вышли наконец на эту трассу, уже в сумерках, как грузились в автобус, как смеялись усталые туристы, а редкие вечерние пассажиры улыбались с приветливым пониманием…

Она смотрела только на Дениса и даже не пыталась больше заставлять себя хотя бы время от времени отводить глаза.

Гостиница, в которой им предстояло провести ночь до первого троллейбуса на Симферополь, была самая заштатная. Почти что и не гостиница, а обыкновенное общежитие с отключенной горячей водой и сомнительной чистоты удобствами в коридоре. Зато она была почти пуста зимой, и им достался целый этаж.

– Вы, девушки, как себе хотите, – сразу же заявила Галочка, – а я проведу эту ночь по-человечески. В отдельном номере! Чувство дружеского локтя в боку – дело хорошее, но иногда утомляет.

Таким образом отдельный номер достался и Еве. И, вздрагивая сердцем и телом, она думала о том, что это, конечно, не случайно…

Наверное, она не была темпераментна. Хотя откуда ей было это знать? Если ей и снилось иногда что-нибудь, от чего все тело даже во сне пронизывал ток, то всегда это было что-то неопределенно-счастливое, никак не связанное с мужчиной и с какими-нибудь его действиями. Ева совсем не представляла, чего она хочет, и кипение крови ее не будоражило.

Поэтому то, что происходило с ней, когда она осторожно, словно с испугом, закрыла за собой дверь в номер, – происходило впервые. Она ждала Дениса и знала, что он придет.

Она знала это, неподвижно стоя у окна и глядя на закрытую дверь, знала, ложась в постель, знала, когда выключала лампу, стоящую на тумбочке у кровати, – и боялась дышать в темноте, как будто могла спугнуть его своим дыханием. Она ждала его, впервые в жизни спутав течение времени, и минуты растягивались до бесконечности, а часы пролетали незаметно.

Его не было – ни через час, ни через два, ни когда за окном сгустилась глубокая тьма и очертания предметов в комнате сделались неразличимыми. Его не было, и бесплодный ужас ожидания охватывал Еву все сильнее, повергая в полное отчаяние.

Она вдруг поняла, что совсем ничего не знает и не чувствует в окружающей ее жизни. Никогда прежде эта мысль не приходила ей в голову, не становилась такой ясной и пугающей. Прежде ей казалось естественным жить в собственном мире, а мир внешний не был к ней враждебен – и чего же больше можно было от него ожидать? Но теперь, в эти мучительные минуты…

«Я думала, что он придет, что он не может не прийти, – лихорадочно стучало у нее в висках. – Я знала, что он придет, но почему же я это знала? Почему я решила, что могу знать, как он поведет себя, как вообще ведет себя мужчина, поцеловавший женщину?»

При одном только воспоминании о его поцелуе Ева чувствовала, что щеки у нее пылают в темноте сухим жаром.

«А его нет, – метались ее мысли. – Его и не должно было быть, наверное, и вот его нет, его совсем нет и быть не может…»

Одновременно с этой мыслью она услышала негромкий скрип двери – и тут же почувствовала, как в глазах у нее темнеет. Хотя как могло темнеть в глазах, когда кругом и так было темно?

Денис не постучался, не спросил, можно ли войти. В эту минуту не нужны были пустые вежливые слова, и он их не произнес.

Ева лежала, боясь пошевелиться и по-прежнему не дыша. Пройдя через комнату так уверенно, словно все не было погружено в кромешную темноту, Денис остановился рядом с кроватью и присел на корточки. Его рука легла на подушку на расстоянии ладони от Евиной головы и, сделав одно быстрое движение, коснулась ее щеки, волос…

Он придвинул к себе Евину голову, наклонился, губами нашел ее губы и поцеловал. Сначала сквозь стремительное биение собственного сердца ей показалось, что он целует ее так же, как утром в тумане. Но уже спустя мгновение она почувствовала, что поцелуй совсем другой. В нем больше не было той медленной ласки, которая была утром. Твердые мужские губы прижимались к ее губам нетерпеливо и горячо, властно раскрывали их, а языком Денис помогал губам. Ева и не пыталась сопротивляться, но она не умела помочь ему, и, разжав наконец губы, сделала это не так, как делает женщина в поцелуе, а как открывает рот беспомощный птенец, почувствовавший прикосновение материнского клюва.

Может быть, это вызвало у него легкую досаду; Ева не поняла. Денис на секунду оторвался от ее губ, потом погладил ее по щеке, провел ладонью по лицу, словно проверяя, она ли

это. Она торопливо приподнялась, опершись на локоть, потянулась за его ладонью, и он снова принялся ее целовать, но теперь так же, как поцеловал впервые – легко прикасаясь к ее лбу, вискам. Потом он стремительно поднялся и сел на край ее кровати.

Ева тоже села в постели, обняла Дениса за шею, снова почувствовав руками эти жесткие, уже до слез любимые завитки на затылке. Он был все в том же грубой вязки свитере, который так шел ему, и от него по-прежнему пахло костром, горным воздухом и еще чем-то особенным, чему Ева не знала названия и от чего больше всего кружилась ее голова.

– Уснули все наконец, – сказал Денис так тихо и таинственно, что ей тут же показалось, будто он произносит какие-то необыкновенные слова. – Устали гаврики, угомонились. Ну, иди ко мне. – Голос его едва ощутимо дрогнул на последней фразе. – Иди ко мне, хорошая…

С этими словами он немного опустил руку, нащупал вырез футболки, в которой Ева легла в постель, – и рука его скользнула за этот неглубокий вырез. Ева негромко вскрикнула от неожиданности и тут же почувствовала, как все ее тело пронзает такой ток, какой не снился ей в самых невероятных снах. Одна рука Дениса гладила ее грудь, небольно сжимая и лаская, а другая уже отбрасывала одеяло, скользила вниз по животу, и сладкая судорога бежала по всему Евиному телу.

Он незаметно стянул с нее трусики – и тут она почувствовала, что все ее тело трепещет больше, чем способно выдержать сердце. Еве даже показалось, что Денис ощутил ее бешеное сердцебиение и поэтому на мгновение остановился.

– Подожди, я сейчас разденусь, – сказал он. – Сейчас, сейчас, погоди-ка…

Он быстро снял свитер, тоже оставшись в футболке, расстегнул джинсы. Евины глаза совсем привыкли к темноте, и каждое его движение она видела теперь так ясно, как будто весь он был озарен ослепительным светом. Белели его плечи в темноте, голова была слегка откинута назад, потом он нетерпеливо тряхнул головой.

– Ну вот и все, – прошептал Денис, ложась рядом с нею. – Подвинься чуточку, а?

Она отпрянула к стене и тут же повернулась к нему, снова обняла его за шею, прижалась всем телом, неизвестно чего больше боясь – что он исчезнет или что опять прикоснется к ней этими страстными, нетерпеливыми движениями.

Все дальнейшее утонуло для Евы в тумане гораздо более плотном, чем туман в утро их первого поцелуя. Она догадывалась, что Денис ведет себя с нею как с опытной женщиной. Да и как можно было вести себя, зная ее возраст? Кажется, он не был груб. Впрочем, этого она не понимала, потому что ей просто не с кем было его сравнить. Движения его были уверенными, и ей оставалось только подчиняться каждому его движению. А саму ее вдруг охватило такое оцепенение, которого она совсем от себя не ожидала…

Ева так растерялась, что не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Тот первый страстный ток, который пробежал по всему ее телу от прикосновения Денисовой руки, сменился нервной дрожью, и больше всего она боялась, что он почувствует это. И что он сделает тогда? Отшатнется недоуменно и брезгливо, пожмет плечами, встанет, оденется?

Представив, что такое может произойти, Ева испугалась еще больше и прижалась к Денису еще сильнее, уже совсем не думая о себе, о своих чувствах, и думая только об одном: лишь бы он не догадался, ни о чем не догадался!

Но скорее всего Денис принял эту ее нервную дрожь за страсть. Весь он напрягся, обнял Еву так крепко, что дыхание у нее стеснилось, и вместо легких, мимолетных прикосновений поцеловал сильно, до боли, зубами прижавшись к ее губам.

– Я давно уже хотел, – прошептал он. – Я бы давно уже, но нельзя же было… Ну ничего, теперь еще слаще. Как хорошо с тобой, ты горячая какая, вся горячая какая!..

Ева почти не понимала его слов – расслышала только, что в его голосе нет отвращения, даже наоборот. Она чувствовала гладкую кожу его плеч и жестко вьющиеся волосы на животе, и что щека у него опять колючая к ночи, и что мозоли на руках слегка царапают ей грудь… Она

не знала, хочет ли продлить его ласки, но если бы он вдруг исчез – у нее сердце остановилось бы в ту же минуту, это Ева знала точно.

– Ну, погладь меня, – прерывисто прошептал он. – Я, правда, и так уже… Но ты мне все-таки погладь, немножко. Ну, Евочка, дай руку.

Она не понимала, о чем он говорит, и робко прикоснулась рукой к его щеке. Но Денис перехватил ее руку и потянул вниз.

– Нет, зде-есь… – выдохнул он. – Вот так, так!..

Ева почувствовала, что ее ладонь прикасается к его напрягшейся плоти, и от неожиданности едва не отдернула руку. Но Денис не дал ей этого сделать, сжал ее запястье, и, снова испугавшись, что он вдруг встанет и уйдет, Ева обхватила рукой то странное, твердое, живое, что так пугало ее…

– Погладь, погладь здесь!.. – повторил он тем же задыхающимся шепотом. – Сожми покрепче, что ты боишься, руки у тебя до того приятные, мягкие… Ты не бойся, я и сам сейчас тоже, мне просто нравится, когда ты так делаешь!..

Ева и сама не знала, что она делает и что ему нравится. Она послушно гладила его, все-таки боясь сжать руку, чтобы не сделать ему больно, и в голове ее билась одна мысль: вдруг ему плохо, Боже мой, я же не умею, не знаю!..

Но, наверное, плохо ему все-таки не было, и совсем не от боли он едва слышно постанывал, двигая бедрами в такт движению ее руки. Вдруг он замер, словно прислушиваясь к чему-то.

– Все, – сказал Денис. – Не надо больше, а то так и кончу один.

С этими словами он высвободился, и, нажав на ее плечо, повернул Еву на спину. Волосы ее разметались по подушке, Денис нечаянно прижал одну прядь локтем, когда оказался над Евой. Но она уже не почувствовала этой смешной девчоночьей боли – другая боль пронзила так мгновенно и так неожиданно, что слезы брызнули у нее из глаз.

Ей не верилось, что такая боль может исходить извне, от него. Весь ее живот изнутри разрывало этой болью, от нее невозможно было избавиться, как невозможно было избавиться от самой себя.

«Не надо! – едва не закричала Ева. – Не надо, я не могу!»

Но вместо этого она закусила губы, и крик превратился в стон, который Денис снова принял за стон страсти.

– И мне… тоже… хорошо… – словно отвечая ей, выговорил он.

Слова его падали отрывисто, тяжело, в такт мерным и стремительным движениям – вверх, над нею, потом резко вниз, секунда неподвижности, и опять вверх, и все повторяется снова, пронзая непроходящей болью…

Ева уже не понимала, долго ли это длится. Она ждала, чтобы это кончилось наконец, чтобы хоть на мгновение прекратилась эта невыносимая, режущая боль, – но скорее умерла бы, чем дала бы ему понять, чего ждет.

– Все! – вдруг вырвалось у него. – Я все уже, ты можешь, успела ты?..

Не понимая, о чем он спрашивает, даже не разобрав толком слов в его задыхающемся шепоте, Ева почувствовала, что он замер над нею, – и вдруг задергался, как от боли.

«Ему больно? – с ужасом мелькнуло в ее голове. – Но почему, это я сделала ему больно, что же я сделала не так?!»

Денис стоял теперь на коленях, голова его была запрокинута, бедра судорожно вздрагивали, и даже плечи ходили ходуном. Страх за него сразу стал сильнее, чем собственная боль, которой она не могла терпеть еще минуту назад, – и Ева порывисто села, обняла его за плечи, прижалась к груди.

Конечно, она знала, что мужская страсть как-то завершается, но что вот эти движения, напоминающие мучительные судороги, и есть завершение страсти, – этого Ева и представить

себе не могла. Да и что она вообще представляла, откуда? В книгах, которые она читала, действие заканчивалось в тот момент, когда гас свет, а пособие по сексу, которое она случайно перелистала в книжном магазине, вызвало у нее недоумение и отвращение, потому что было похоже на инструкцию к какому-то незамысловатому электроприбору.

И она испуганно сжимала теперь плечи Дениса, пытаясь дотянуться до его запрокинутого лица, заглянуть в полуприкрытые глаза, и целовала его подбородок – единственное, до чего могла дотянуться, не отрываясь от его бьющегося у нее внутри тела.

Его движения постепенно стали спокойнее, медленнее, потом он совсем замер, потом вздрогнул еще раз и притих, тяжело дыша. Потом Ева почувствовала, как он перекидывает через нее ногу и ложится. Все у нее внутри до сих пор болело, но уже не так остро – скорее ныло, как десна, из которой только что выдернули зуб.

Денис молчал, лежал с закрытыми глазами, а Ева сидела рядом с ним, вглядываясь в его лицо. Ей не верилось, что всего минуту назад все оно было искажено гримасой боли, – такой покой был разлит теперь по этому любимому лицу. Капельки пота выступили на его виске под темным завитком, как еще один знак полного покоя.

Ева провела пальцами по этим мелким капелькам, раскрутила завиток, но он снова скрутился, как только она отняла руку.

– Тебе… больно было? – невольно вырвалось у нее.

– Больно? – Брови Дениса удивленно приподнялись над закрытыми глазами. – Почему?

Еве стало стыдно, что она задает глупые вопросы.

– Мне было хорошо, – едва заметно улыбнувшись и по-прежнему не открывая глаз, сказал он. – Наклонись, дай я тебя поцелую.

Ева склонилась к Денису, и он поцеловал ее тем самым поцелуем, который она так полюбила сразу, – мимолетным, легким и ласковым.

– Подустал я, – сказал он. – Так-то собранный был, а с тобой вот расслабился и чувствую – устал. Вроде сто раз все тут хожено-перехожено, а каждый раз волнуешься: вдруг что-нибудь с кем-нибудь случится? Все-таки они маленькие еще, хоть и молодцы, конечно.

Лицо его снова осветилось тем ясным светом, который невозможно было не разглядеть даже в темноте.

– Диня, милый, я тебя люблю…

Ева произнесла эти слова неожиданно для себя, но это было единственное, что она могла и хотела сказать сейчас.

Он снова улыбнулся, открыл глаза и молча обнял ее, ласково пригнул ее голову вниз. Голова легла на его плечо, и, прижавшись к нему, Ева почувствовала, что не было в ее жизни мгновения счастливее.

Денис ушел только под утро. Кажется, они спали немного. Правда, то состояние нереальности, в котором Ева находилась, лежа у него на плече, вряд ли можно было назвать сном. Но Денис, наверное, все-таки спал: действительно устал за эту беспокойную неделю. Ева видела, что он устал, и даже родинка в правом уголке его губ выглядела усталой… Она погладила родинку кончиками пальцев, и Денис улыбнулся во сне.

Уже одевшись, он снова поцеловал ее.

– Ты поспи все-таки, – сказал он. – Я же слышал, не спала. Поспи хоть часок, я в дверь стукну, разбужу, когда все встанут.

Ева подошла к двери и долго прислушивалась к тому, как он идет по коридору, даже когда его шаги стали совсем не слышны.

Бурые пятна на простыне она заметила, только когда застилала постель, – и почувствовала, что вся кровь приливает к ее щекам.

«Как же он не догадался? – подумала Ева. – Как хорошо, что не догадался… И неужели ему действительно хорошо было со мной? Но не обманывал же он меня – зачем? Значит, правда… А я люблю его!»

И что в сравнении с этим была боль, и кровь, и усталость, и мороз, которым встречало темное зимнее утро!..

Ева шла вместе со всеми к троллейбусной остановке, и фигура Дениса, идущего впереди, казалась ей светлее, чем фонари вдоль дороги.

Глава 6

Если бы кто-нибудь сказал ей тогда, шесть лет назад, что она будет вот так спокойно смотреть на Дениса, здороваться с ним каждый день, как здоровалась с любым учителем, разговаривать с ним на переменках и сидеть напротив за столом в учительской, – Ева не поверила бы.

Ее чувство к нему было тогда таким обостренно-счастливым, что сердцу трудно было выдержать.

А теперь она поздоровалась с ним, спросила, не окно ли у него, и выслушала его ответ. И смотрела, как он складывает листочки с контрольными в стопку, убирает в ящик стола, встает, застегивает большую кожаную сумку, идет к двери…

Ева все-таки не могла бы сказать, что смотрит на Дениса совсем спокойно. Но теперь это было уже неважно. Шесть лет, прошедшие с того утра, когда она прикоснулась к его щеке в тумане, переменили ее совершенно. Иногда Еве казалось, что все тогда происходило с какой-то другой, почти ей незнакомой женщиной.

– Ну, пока, – сказал Денис, обернувшись у самой двери. – Счастливо доработать!

– Пока, – ответила Ева. – Спасибо.

Она уже привыкла к тому, что он не задает ненужных вежливых вопросов: как дела, как жизнь, еще что-нибудь подобное. Он знал, как у нее дела, и знал, что она первая постарается рассказать ему о любых изменениях в своей жизни. И зачем тогда спрашивать? И какие, кстати, у нее могут быть изменения, которые интересовали бы хоть кого-нибудь, кроме, пожалуй, родителей?

Ева достала из сумки тетрадку с планом своего следующего урока. Она привыкла обязательно просматривать план перед самым началом занятий, освежать в воображении то, о чем будет говорить, иначе она просто не могла рассказывать.

…На Курском вокзале Еву встречали из Крыма отец и Полинка. Прежде она наверняка удивилась бы, почему пришли они, а не мама, но сейчас она видела только Дениса, даже когда не смотрела на него. Ева сама не понимала, чего сейчас больше в ее душе, счастья или страдания.

Поэтому она не удивилась и не обрадовалась, увидев из окна вагона высокую отцовскую фигуру на перроне. Валентин Юрьевич шел вдоль останавливающегося поезда – быстро, почти не хромая, а Полинка бежала впереди, обгоняя состав.

Вагон был плацкартный. Денис обходил напоследок отсеки, проверяя, не забыто ли что-нибудь второпях. Ева старалась не смотреть в его сторону – боялась, что смятение, которым охвачена ее душа, станет очевидным при взгляде на него и все поймут причину ее смятения. До сих пор она объясняла свое молчание – например, любопытной Галочке – тем, что с непривычки устала в походе.

Отец подал руку, помогая Еве перепрыгнуть через широкий промежуток между перроном и ступеньками вагона. Денис выходил последним. Прислушиваясь к его голосу в тамбуре у себя за спиной, Ева почти не оперлась об отцовскую руку, спрыгнула со ступенек сама.

– Ловкая какая стала, – улыбнулся отец, забирая у нее рюкзак. – Ну, дай поцелую тебя, путешественница. И загорела даже, смотри-ка! А вчера по телевизору сказали, что снег пошел в Крыму. Мама, конечно, разволновалась сразу. Как отдохнули?

Это он спросил, уже обращаясь ко всем, и Ева обрадовалась тому, что Денис сам ответил на вопрос ее отца.

– Отлично, – сказал он, спрыгивая наконец с подножки; глаза его светились веселым воодушевлением. – Именно что отдохнули! – Он посмотрел на Валентина Юрьевича с явной приязнью. – А то все вон, смотрите, так встречают, как будто мы из космоса возвращаемся!

Родители, столпившиеся на перроне, и в самом деле встречали своих чад с неумеренным энтузиазмом. Слышались громкие возгласы – отчасти бессвязные, отчасти состоящие из слов: «Боже, как похудел! А грязный какой!» Возмущенные чада что-то басили в ответ, отбиваясь от родительских поцелуев.

Тринадцатилетняя Полинка с завистью поглядывала на туристов, действительно грязных как черти. Раскосые глаза ее так и сверкали из-под длинной рыжей челки, и она вертела головой, боясь упустить что-нибудь интересное.

– Что ж, домой? – спросил отец. – Или у вас еще какие-то планы?

Ева впервые решилась прямо взглянуть на Дениса. Ответить мог только он. У нее не было не то что определенных планов, но даже приблизительного представления о том, как она теперь будет жить – через минуту, через час, через месяц…

Но Денис в это время уже разговаривал с высокой элегантной женщиной в светлом пальто – мамой Леночки Беринской – и не смотрел на Еву. Мамаша говорила ему что-то, быстро и, кажется, возмущенно, а он улыбался и кивал, не споря.

Еве вдруг стало так тоскливо, хоть плачь.

«Вот и все, – подумала она. – И что теперь? Как мы увидимся с ним теперь, где? – Она вспомнила, как тихо скрипнула дверь в темноте, и слезы подступили к самому горлу при этом воспоминании. – Кончилось все…»

– Пойдем, папа, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Никаких у нас планов нет, ребята устали.

Ева не могла представить, как будет прощаться с Денисом. Руку подаст, пошлет воздушный поцелуй? Ей хотелось миновать это мгновение расставания, и, быстро взяв отца под руку, она почти потянула его к подземному переходу.

Идя по перрону, Ева слышала громкие голоса, поющие на прощание песню про новый поворот – их любимую походную песню… Голос Дениса вырывался из общего хора, звенел в сыром воздухе, словно догоняя ее, но она шла не оборачиваясь и все ускоряла шаги.

– Мама приболела немного, – сказал отец уже на привокзальной площади, открывая перед Евой дверцу синей «шестерки». – Ничего страшного, простудилась, но я ее все-таки попросил не идти, – предупредил он Евин вопрос. – А Юрка в Армению улетел.

– Я знаю, – кивнула она. – Он же сразу улетел, еще до моего отъезда, я же знаю.

– Спуталось все в голове, – слегка смущенно сказал отец. – В самом деле, до твоего отъезда. Надя волнуется, даже по телевизору его выглядывает, а тут еще у вас снег пошел… Ей, конечно, сразу ужасы мерещиться стали – обвал, сель, лавина.

Он улыбнулся своей удивительной улыбкой – открытой и в то же время немного исподлобья. Ева с детства любила папину улыбку. Она как будто расцветала постепенно – начиналась с едва заметной морщинки у губ и вдруг освещала все лицо, вспыхивала в черных, чуть раскосых глазах.

– Я ее успокаиваю, – продолжал он, – что в Крыму в это время года никаких природных катаклизмов в принципе быть не может. Но она мне не верит, конечно. В Армении… Страшно, милая, телевизор страшно включать, но и выключить ведь невозможно! Столько горя сразу.

– А мы вчера одежду отвезли, туда чтоб передать, – вмешалась в разговор Полинка. – Очередь стояла вещи сдавать – больше, чем за колбасой! – засмеялась она.

– Перестань, – спокойно произнес отец, и Полинка тут же перестала смеяться, хотя в его голосе не чувствовалось и тени назидательности или укоризны. – Это, конечно, капля в море, но все-таки, – обернулся он к Еве. – Люди на улице, под открытым небом, может, пригодится кому-нибудь…

– Не звонил Юра? – спросила Ева.

Ей стало стыдно, что за собственными переживаниями все вылетело у нее из головы, даже ужасное землетрясение в Армении, о котором она узнала еще до отъезда и на которое сразу же улетел ее брат.

– Нет, – покачал головой отец. – Им там, судя по всему, не до звонков. Мы же видели по телевизору, прямо в палатках оперируют. Но я уверен, если бы что-нибудь случилось, мы знали бы, мама зря волнуется!

Ева уже привыкла к тому, что отец помнит о маме постоянно и с нею связывает все, что происходит в жизни – рядом ли, за тысячи ли километров. Иногда ей казалось, что жизни, не связанной с Надей, для отца просто не существует. Так было всегда, и это никогда не удивляло Еву в таком спокойном, мужественном человеке, как ее отец. Она выросла с этим и не представляла, что может быть иначе. Ведь иначе – как жить вместе, зачем?

Может быть, мама и в самом деле приболела только слегка, но когда Ева вошла в квартиру, та вышла ей навстречу не сразу: наверное, вставала с кровати.

– Слава Богу, – сказала мама. – Наконец вернулась! Не целуй, не целуй, заразишься, у меня грипп, кажется. – Она отстранилась от Евы и даже отошла на несколько шагов назад, встала у дверной притолоки. – Что это с тобой?

– Ничего, – улыбнулась Ева. – Просто поцеловать тебя хотела.

– Ты вся взбудораженная такая, – заметила мама тем мимолетным, хорошо Еве знакомым тоном, который всегда свидетельствовал о волнении. – Случилось что-нибудь?

– Нет, мам, правда ничего. Устала, конечно, с непривычки, не спали сегодня всю ночь… А так – все нормально!

Конечно, маму не обманешь бодрым тоном. Но и выспрашивать, требовать рассказа о том, о чем Ева рассказывать не хочет, она тоже не станет. Поэтому можно было просто наклониться, развязывая тяжелые туристические ботинки и заодно пряча лицо.

…В десятом классе под конец года по программе значился раздел «Мировая литература», и проходили «Гамлета». Правда, Ева не любила слова «проходили» и всегда незаметно поправляла учеников и даже учителей, если они его употребляли.

Конечно, в мае ребята уже расслабились, им неохота было рассуждать о высоком, и в этом смысле время для «Гамлета» было выбрано неудачно. Но в глубине души Ева считала, что это даже хорошо. Все оценки были уже получены, исправлены, снова получены и исправлены окончательно, и поэтому разговор оказывался лишенным практической цели. И, значит, получался именно такой, какой она любила. А то, что по Шекспиру наверняка не придется писать ни выпускное, ни вступительное сочинение, придавало размышлениям о нем дополнительную прелесть необязательности.

Классы в гимназии были небольшие, человек по пятнадцать, и это тоже способствовало пониманию. Правда, урок в десятом классе был последним, и майский ветер из окна наверняка волновал ребят сильнее, чем самая увлекательная беседа о принце Датском.

Десятиклассники были Полинкиными ровесниками. Вообще Ева всегда думала о сестре, когда готовилась к урокам в старших классах: представляла, интересно ли было бы Полине ее слушать. И всегда меняла свои планы, если чувствовала, что сестра заскучала бы. Полинка была, конечно, не такая, как все, но Ева и не стремилась говорить с каким-то усредненным человеком, ей самой это было просто неинтересно.

«Да и существует ли он, этот самый усредненный человек? Едва ли…» – подумала она, уже открывая дверь класса.

Все они были разными, и все смотрели на нее по-разному блестящими разноцветными глазами. Еве казалось, что даже эта пестрая мозаика глаз в десятом «Б», например, другая, чем в десятом «А», в который она сейчас и входила.

Ребята болтали, сидя на столах, но, увидев ее, встали, и шум постепенно затих.

– Ну что ж, – спросила Ева, когда были выполнены обычные формальности начала урока: отмечены отсутствующие, дежурный отправлен за мелом, который, как всегда, не был принесен заранее, – вы хотите, чтобы я о чем-нибудь вас спросила?

– Не-ет! – дружным хором ответили они. – Не хотим, Ева Валентиновна, конечно, не хотим!

– Вы лучше расскажите что-нибудь, а мы послушаем, – мило улыбаясь и глядя хитрыми глазами, предложила Наташа Ягодина, сидевшая прямо перед учительским столом. – Вы ж все равно уже оценки выставили…

– Хорошо, – улыбаясь в ответ, кивнула Ева. – Я с вами прошлый раз о героях «Гамлета» обещала поговорить, ведь так? Артем, вы хотите что-то сказать? – спросила она, краем глаза заметив какое-то его мимолетное движение.

Артем Клементов сидел за третьим столом у окна, и яркие солнечные лучи мешали разглядеть, что он там делает.

– Нет, – сказал он, вставая. – Я тоже хочу вас послушать, Ева Валентиновна.

– Хорошо, – повторила она. – Садитесь, садитесь, Артем! Но все-таки и вы что-нибудь скажете, ладно? – обратилась она уже ко всему классу. – Потом, когда меня послушаете.

И вдруг ее охватило какое-то странное волнение, которого совсем не было еще час назад. Может быть, оно было связано с Денисом, с их мимолетной и привычно-пустой встречей в учительской? Этого Ева не знала, но чувствовала, как что-то непонятное, тревожное дрожит в ее груди.

На прошлом уроке она уже рассказывала им о Шекспире, о загадке авторства, которая самой ей представлялась такой маленькой и неважной по сравнению с загадкой его трагедий и сонетов… В подтверждение своих мыслей читала отрывки из «Смуглой леди» Домбровского: Ева была уверена, что это лучшее из написанного о Шекспире.

И вот теперь пора было поговорить собственно о героях трагедии, а она стояла перед классом в непонятном волнении, охваченная странной тоской и одновременно – тревогой.

– Я думаю… – сказала она наконец, почувствовав, что пауза становится слишком длинной, и заметив легкое недоумение в глазах сидящей перед ней Наташи. – Я думаю, что говорить об этой трагедии можно, только если понимать, что она необъяснима. Ее не надо пытаться объяснить с рациональной точки зрения, не надо пробираться к ней, срывая внешние покровы тайны. Между всеми ее героями существует особенная связь, и понять ее, по-моему, невозможно.

Ева говорила совсем не то, что собиралась сказать. И в ее рабочей тетради совсем иначе был спланирован этот урок. Но слова вырывались сами, подчиняясь безотчетному и печальному чувству…

– Но зачем же тогда вообще об этом думать? – пожал плечами Паша Кравченко – широкоплечий темноволосый парень в майке с портретом Стинга. – Какой тогда смысл это обсуждать, раз все равно непонятно?

– Но она же существует, – помолчав, сказала Ева. – Она более реальна, чем сама реальность! Эта трагедия существует как высшая точка искусства и притягивает своей необъяснимостью, и мы вновь и вновь совершаем попытки, даже осознавая их тщетность… Вы понимаете?

– Ну-у, примерно, – улыбнулся Паша; в его улыбке Ева почувствовала снисходительность. – И что?

Они были взрослые современные дети. Они хотели знать, а не предполагать. Им некогда было отдаваться смутным чувствам, потому что перед каждым расстилалась огромная и стремительная жизнь, в которой так трудно утвердиться, не раствориться среди миллионов себе подобных, особенно теперь, когда все меняется так мгновенно и жестко.

Они уже предчувствовали тот жизненный марафон, который им вскоре предстоял, и, может быть, инстинктивно отшатывались от всего, что могло их ослабить в гонке на выжива-

ние. В том числе от таких вот раздражающе-смутных разговоров. И как было их за это осуждать?

– Гамлет принадлежит какому-то особенному миру, – продолжала Ева. – Он, мне кажется, от рождения ему принадлежит, и поэтому наш мир так для него мучителен.

– А по-моему, он очень даже неплохо в нашем мире ориентируется, – усмехнулся Паша. – Полония убил, и вообще… По-моему, он и правда притворяется – типа, с ума сошел, – чтоб всех на чистую воду вывести. Ну, мучается, конечно, короля никак не убьет… Нерешительный он просто, вот и все! Разве не так?

Он смотрел на Еву в упор, слегка сощурившись, и она вдруг поняла, что не находит слов, способных разрушить железную логику этого юного мужчины… Не находит сейчас, в эту секунду, и не найдет никогда. И растерянно глядит поэтому в его прищуренные глаза, не зная, что ему ответить.

– Он просто очень одинокий, – вдруг услышала она голос Артема Клементова и даже вздрогнула: так неожиданно прозвучал его голос. – То есть это не просто, конечно… – Артем уже встал, когда Ева обернулась к нему, и волосы его серебрились от падающего из окна майского света. – Мне, например, тоже не все здесь понятно. Ведь каждый человек одинок и в конце концов к этому привыкает. «Что же на одного? Колыбель да могила», – усмехнулся он. – Почему же его-то это так мучает? Чтобы от трусости – вроде не похоже…

Ева так обрадовалась этой поддержке, что даже благодарно улыбнулась Артему. Он тоже задавал вопрос, на который трудно было ответить, даже невозможно было ответить, – но это был вопрос на ее языке… И песню Высоцкого, которую он процитировал, она тоже знала и любила.

– А по-моему, все дело в Офелии! – вдруг вмешалась в разговор Наташа. – Нет, вы хоть что угодно про него говорите, а по мне, так он очень гнусный! – Наташин вздернутый носик еще больше вздернулся от возмущения. – Зачем он так ее мучил? До самоубийства довел…

– А вы вспомните, как они встретились после разговора Гамлета с призраком, – с неожиданной для себя горячностью произнесла Ева. – Та самая встреча, о которой Офелия рассказала Полонию. Представьте, как это было, Наташа! Офелия впервые увидела его в растерянности, в смятении, почувствовала безысходность его скорби, и это ужаснуло ее. Она интуитивно поняла, что Гамлет больше не принадлежит себе, а значит, и ей не может принадлежать. Конечно, это трудно выдержать юной женщине… Но его ли в том вина?

Теперь Еве стало легче говорить и уже не казалось, что она не находит слов. Она говорила о самом воздухе, о дыхании трагедии, которое веет между монологами и диалогами героев. Говорила о цене юношеской дружбы, о Розенкранце и Гильденстерне, о бесплодности мести. Паша снова спорил с ней, а Наташа спорила с ним, и Ева слушала обоих, осторожно охлаждая их пыл, когда они начинали перебивать друг друга.

Но ее смутная тоска не проходила, и она так и не могла понять ее причины.

Хорошо, что урок был у нее последним. Ева была так недовольна им – вернее, собою так была недовольна, – что настроение у нее совсем испортилось. Она прошла через школьный двор, через арку и медленно пошла по Садовому кольцу к метро.

«Что это со мной случилось? – думала она. – Отчего вдруг я потеряла всякую логику, забыла все, о чем хотела сказать? Зачем пыталась говорить о том, что даже мыслью трудно уловить, не то что словом? Еще раз подтвердила в их глазах свою бестолковость, больше ничего!»

– Ева Валентиновна! – услышала она и обернулась.

Артем Клементов догнал ее у пестрого киоска на углу площади Маяковского.

– Разрешите, я вас провожу? – спросил он, останавливаясь рядом с ней. – Вы к метро?

– Да, – кивнула Ева. – Что ж, проводите, если вам по дороге.

Они молча пошли рядом.

– А вы расстроились, – сказал он. – Напрасно, Ева Валентиновна!

– Почему же напрасно? – На минуту она забыла, что перед нею мальчик, ученик. – У меня такое ощущение, как будто я урок сорвала. Все так сумбурно получилось, все невпопад и непонятно. Я пыталась говорить слишком изнутри – так, наверное. – Ева подняла глаза и встретила его внимательный серебряный взгляд. – А никому это не нужно. Надо было просто рассказать обо всем с исторической точки зрения. О том времени, о…

– О том – это о каком? – неожиданно перебил он. – При чем здесь время? И вообще, если я, например, изнутри не все понял, думаете, я снаружи пойму? Если вы мне расскажете, какие латы носил Фортинбрас?

– Вот видите, даже вы не поняли! – вздохнула Ева. – А ведь вы очень проницательны, Артем.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Не думаю. – Он посмотрел на нее совсем другим, чем минуту назад, быстрым, чуть исподлобья взглядом. – Я чувствовал какую-то особенную, очень тонкую жизнь, когда вы говорили… Мне хотелось вас понять! Но я не смог.

Они остановились у кромки тротуара. Светофора у входа в метро не было, но он был на предыдущем перекрестке, и пешеходы толпой перебегали Садовое кольцо, когда красный свет загорался для машин вдалеке. Ева тоже всегда останавливалась здесь, выжидая удобной минуты. Но сейчас, в тоске своей и подавленности, она забыла об этом и ступила на дорогу не глядя. Артем тоже не смотрел на дорогу, но тут же придержал ее за плечо.

– Извините, – сказал он, мгновенно опуская руку. – Машины еще едут, давайте подождем, ладно?

– Да, – смутилась Ева, наконец спохватившись, что как-то не так разговаривает со школьником – слишком доверительно, что ли. – Спасибо, Артем, что проводили.

– Ничего, мне и в самом деле по пути, – улыбнулся он. – Я в Трехпрудном живу.

Они наконец перешли дорогу и стояли теперь у колонны Зала Чайковского.

– А давайте до Пушкинской пройдемся? – предложил он. – Вам по зеленой линии ехать, можно ведь и с «Тверской», правда?

– Правда, – кивнула Ева. – Что ж, пойдемте тогда до Пушкинской.

Ей и самой хотелось пройтись, успокоиться.

По всей недавно переименованной Тверской улице ремонтировали дома и тротуары. Им то и дело приходилось огибать участки, огороженные веревками и досками, Ева едва не упала, споткнувшись о кусок асфальтовой глыбы. Артем снова поддержал ее под локоть и снова сразу же опустил руку.

– Можно переулком пойти, – предложил он. – Да-а, тут теперь не погуляешь, сплошь разворотили! Неужели сделают когда-нибудь?

– Сделают, – улыбнулась Ева. – Даже очень скоро, наверное.

– А вы откуда знаете? – удивился он.

– Просто – чувствую, – пожала плечами Ева. – Совсем другой жизненный ритм стал, это же сразу чувствуется.

– Все вы чувствуете… – Ей показалось, что по лицу его мелькнула легкая тень. – Мне очень хочется вас понять, Ева Валентиновна! Но это трудно, мне трудно – у вас такая сложная жизнь в душе.

Она посмотрела на него удивленно и тут же снова ощутила неловкость. Любая доверительность в отношениях с учеником должна иметь границы, а он переступал их так очевидно, что невозможно было не заметить. Правда, Еву совсем не обижало то, что он говорил, но все-таки…

– Куда вы поступать думаете, Артем? – спросила она, чтобы как-то перевести разговор на более нейтральные темы.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Ничего определенного. В смысле, никаких определенных талантов. Только вы не думайте, – усмехнулся он, – метаний тоже, в общем-то, никаких. Сплошная усредненность. Ну, поступлю куда-нибудь, конечно, не в армию же идти.

– Вы, наверное, спортом занимаетесь, – заметила Ева: плечи у него были спортивные и походка.

– Неважно, – снова усмехнулся он. – В этом смысле тоже ничего особенного.

– Зря вы так, – возразила Ева. – В вашем возрасте – и загонять себя в такие узкие рамки… Тем более что не вам, мне кажется, говорить об усредненности.

Незаметно они свернули с Тверской и дошли до Трехпрудного переулка. Ева даже обрадовалась, увидев перед собою знакомый барельеф – цветок репейника на здании старой типографии.

– Вот, Трехпрудный, – немного торопливо, предупреждая его предложение проводить ее до Пушкинской площади, проговорила она. – Вы ведь здесь где-то живете, да? Знаете, Артем, я дальше одна пойду. Мне хочется одной побыть… Еще раз спасибо, что проводили.

– Вам спасибо, – не пытаясь возражать, ответил он. – У вас в среду последний урок? У нас то есть?

– Да, – кивнула Ева. – До свидания, Артем.

Она пошла по переулку в сторону Пушкинской, а он остался стоять на углу переулка.

«Он, мальчик, хочет понять… – думала Ева, идя по Трехпрудному и потом, уже спускаясь в метро. – Он говорит о душевной жизни. Значит, ему это важно, он чувствует это? А человек, которого я люблю, – ему не важно во мне ничего, я это знаю, и все равно… Прощаю ему? Да нет, просто понимаю, что по-другому и не бывает».

В этом была главная причина горечи и тревоги, поднявшейся в душе после короткой и случайной встречи с Денисом. И Еве грустно было признаваться себе в очевидном.

Глава 7

Тогда, шесть лет назад, она думала, что не выдержит без него и дня.

Каждая минута, проведенная с ним в Крыму, увеличивалась в воспоминаниях, приобретала ни с чем не сравнимое значение. Как назло, происходил какой-то кавардак с расписанием, его почему-то никак не могли составить, и первую неделю после похода уроки у них почти не совпадали по дням. А когда совпадали, то были расположены так, что они лишь коротко встречались в учительской.

Впрочем, может быть, это было даже и хорошо: Ева не представляла, как вести себя с Денисом под множеством посторонних взглядов. Болтать о чем-то неважном, делать вид, что ничего не было? В том обостренном, смятенном состоянии, в котором она находилась, едва ли ей это удалось бы… Она даже взглянуть на него боялась, старательно отворачивалась, чтобы не встретиться с ним взглядом при всех, потому что не знала, каким будет ее взгляд, когда встретятся их глаза.

Неизвестно, сколько длилось бы это смятение и эта неизвестность, если бы Денис сам не остановил ее однажды на перемене в коридоре второго этажа. Наверное, у него закончился урок в самом дальнем, за поворотом, кабинете. Ева не заметила, как он вышел из класса и догнал ее.

– Ева, подожди! – окликнул Денис. – Ты на урок или освободилась уже?

Ева вздрогнула, услышав его голос у себя за спиной.

– Да… Нет еще… – невпопад ответила она, глядя прямо в его глубокие, прекрасные глаза.

– Надо бы нам увидеться как-то, – негромко сказал Денис, подойдя совсем близко. – Да я пока что-то не соображу, как. Я же с родителями живу. Глупая причина в наши годы, но тем не менее. Ты ведь тоже?

– Я тоже, – с трудом произнесла Ева. – Но, может быть, я как-нибудь… Они на дачу могут уехать с Полиной, а Юра дежурит часто, может быть, я…

– Ну, попробуй, – кивнул Денис. – Я бы хотел, Ева…

Он посмотрел на нее тем взглядом, медленным и одновременно мимолетным, от которого душа у нее переворачивалась.

– Да, – только и смогла выговорить она. – Я тебе скажу тогда, хорошо?

– Хорошо, милая, – улыбнулся Денис и, легко прикоснувшись к ее плечу, пошел по коридору.

Легко было сказать «попробую»! Ева вдруг поняла то, чего раньше совсем не замечала: ее жизнь так прочно встроена в жизнь всей семьи, что любое самостоятельное движение не останется незамеченным. Не то чтобы кто-нибудь когда-нибудь что-нибудь ей запрещал, вовсе нет! Ева всегда чувствовала, что любовь к ней родителей совсем не деспотична. Но она была окружена их любовью, как коконом, и всякое неожиданное действие значило бы разрыв этой плотной и ласковой оболочки… И как было это сделать, чем объяснить?

Прежде у нее просто не было потребности в самостоятельных действиях; к двадцати семи годам Ева впервые это поняла.

«Ну что им сказать? – думала она, ворочаясь бессонной ночью в своей кровати. – Все равно я не смогу сказать так, чтобы мама не догадалась… Почему я не еду с ними в Кратово – тетради буду проверять? Но я всегда брала тетради с собой и проверяла там, и они, конечно, сразу поймут…»

Это было так глупо, в это просто поверить было невозможно: взрослая женщина размышляет, как бы сказать маме, что хочет остаться наедине с любимым мужчиной! Но все в ее жизни было бестолково, все было запоздало, и Ева только теперь начинала это понимать.

Полинка проговорила что-то во сне – быстро, удивленно – и села в кровати, глядя на Еву широко открытыми глазами. С ней часто это бывало, а лет до пяти она вообще бродила ночью по комнатам.

– Ты не спишь? – на всякий случай спросила Ева, зная, что сестра скорее всего ее не слышит.

Полина посидела еще несколько секунд, глядя перед собой удивленным и невидящим взглядом, потом легла, закрыла глаза, и лицо ее стало безмятежным.

Ева чувствовала, что начинает сердиться на весь мир, на все, что так в нем любила: на родителей, на их устоявшуюся и ясную жизнь, даже на ни в чем не повинную Полинку.

«Зачем все это? – с тоской думала она. – Зачем и спокойствие, и ясность, если все это мешает мне просто побыть с ним, почувствовать его – всего его почувствовать?..»

При этой мысли в глазах у нее потемнело. Она вдруг наяву представила то, что мелькнуло в голове, – всего его, его губы, и руки, и жесткие завитки на затылке… Отчаяние охватило ее, и не было избавления от этого отчаяния!

Но, конечно, это было всего лишь ночное отчаяние – то самое, которое всегда охватывает во время тревожной бессонницы и разрешается простой поговоркой: «Утро вечера мудренее».

Заснув под утро, Ева чуть не проспала, хотя идти ей было ко второму уроку, и едва успела поговорить с Юрой до того, как он прилег после дежурства.

Брат вернулся из Армении вскоре после Евиного крымского похода. Вернулся какой-то подавленный, с лицом, темным то ли от воспоминания о бесконечных человеческих страданиях, то ли просто от усталости. Но отдых у него, конечно, предусмотрен не был. В Институт Склифософского, где он проходил интернатуру, привезли человек двадцать тяжелых, и все травматологи работали в усиленном режиме. Поэтому он и забегал домой только поспать, да и то ненадолго.

Юра пил на кухне чай. Он всегда заваривал его так крепко, что смотреть было страшно, к тому же пил без сахара из огромной синей чашки с нарисованным на дне медвежонком. Эту чашку подарила бабушка Миля, когда Юрке исполнилось пять лет, чтобы внук выпивал побольше молока. Правда, темный как деготь напиток его совершенно не бодрил, когда он приходил после своих бесконечных дежурств. Юра пил его скорее по привычке и сразу засыпал.

– Доброе утро, – сказала Ева, выходя к нему на кухню. – Устал, Юра?

– Угу, – пробормотал он, ставя чашку в раковину. – Что-то вроде.

– Оставь, я помою, – сказала она, заметив, что брат пытается сполоснуть чашку холодной водой. – Почему не разбудил, я бы тебя хоть завтраком покормила. Что это ты входишь так бесшумно?

– Разве? – удивился он. – А я не заметил, вошел себе, и все. Я думал, нет никого. Да мне не хочется завтракать, я вчера вечером пообедал.

Отец уже ушел на работу, Полинка убежала в школу, и даже мама с утра пораньше отправилась к зубному.

– Ложишься уже? – спросила Ева. – Юр, подожди, ты знаешь, я хотела тебя спросить… Понимаешь…

– Ну, золотая рыбка, чего тебе надобно? – Юра едва заметно улыбнулся, взглянув на нее. – Скажи, скажи, что ты мнешься?

Это прозвище у нее такое домашнее было с детства – золотая рыбка. Хотя совершенно оно ей не подходило…

– Юра, ты не мог бы дать мне ключи от гарсоньерки? – наконец выговорила Ева.

Она так побледнела, произнося эти слова, что, наверное, даже Юра заметил, хотя глаза у него щурились от усталости. Ева ожидала расспросов или хотя бы легкого недоумения в голосе брата: зачем это вдруг ей понадобились ключи от бабушкиной квартиры и почему она говорит об этом таким смятенным тоном?

– Возьми, – ответил Юра. – Зачем ты спрашиваешь? Они же в буфете лежат, в шкатулке.

Ненужных вопросов он задавать не стал, голос его тоже ничуть не изменился, и Ева вздохнула с облегчением.

«Конечно, он же устал, – подумала она. – А я сделала из мухи слона».

В самом деле, почему ей представлялось, будто Юру так же трудно будет попросить об этих ключах, как сказать маме, что она хочет остаться дома одна? Все ее тревоги и страхи были так смешны по сравнению с тем, что он видел каждый день у себя на работе…

– Спасибо, – смущенно кивнула Ева. – Ты иди, Юр, ложись, никак я тебя не отпущу.

– Ничего, – сонно улыбнулся он. – А ты не волнуйся по пустякам и не бойся делать то, что хочешь.

И, сквозь сон подмигнув сестре, он вышел из кухни.

И вот она ждала.

Ева сидела в бабушкиной квартире – в гарсоньерке, как ее назвала когда-то Эмилия Яковлевна, – и ждала Дениса. Она не знала, сколько сидит так, положив руки на колени и глядя, как не по-зимнему дождливое утро занимается в окне.

Квартира находилась в их же доме, только в другом подъезде. Но дом у них был большой, а этот подъезд к тому же располагался в укромном месте – во внутреннем углу, на стыке секций – да еще был пронумерован как-то не по порядку. Посторонние вечно разыскивали его по всему двору, когда приходили к кому-нибудь в гости.

Это был писательский кооператив, его начал строить покойный дед, но он умер, еще когда жили в коммуналке на Ордынке, и даже не успел въехать с женой и сыном в свою новую трехкомнатную квартиру. А Эмилия Яковлевна потом стала членом правления, так что ей удалось без особенного труда получить для себя вот эту однокомнатную гарсоньерку, когда семья разрослась и трудно стало умещаться в одной квартире.

Конечно, не то чтобы ей принесли ордер на блюдечке, но, говоря «без особенного труда», бабушка Миля подразумевала, что не пришлось проявлять какую-то нездоровую активность и обращаться к неприятным ей людям. Она просто дважды подавала заявление и получила наконец то, что хотела.

Вообще Эмилия Яковлевна в основном добивалась житейских благ именно таким образом: не совсем без ее участия, но и не в результате «шакалки», которой занималось множество литературно-киношных дам, не обладавших никакими особенными способностями, но зато обладавших желанием получить от жизни все и сверх того. При всей напряженной светской жизни, которую она вела, Эмилия Яковлевна никогда не дежурила под дверьми комиссий, посылавших на очередной международный кинофестиваль, не унижалась перед женами начальников и не спала с самими начальниками. И все-таки посылали именно ее и давали ей то, что она хотела. И приглашали, и премировали…

– А что, собственно, в этом удивительного? – посмеивалась когда-то Эмилия Яковлевна. – Я довольно незамысловатый человек, таланты у меня легкие, яркие, но, по сути, тоже незамысловатые, а следовательно, никого не раздражающие. Немного направленных усилий – и все в порядке. И потом, я же работаю, и довольно много, а это вознаграждается даже при таком блядском режиме, как наш.

В выражениях бабушка никогда не стеснялась, но спорить с ее характеристиками было трудно.

Для работы ей действительно нужна была отдельная квартира, в которой можно было бы ночью писать статью или докторскую диссертацию. И чтобы внуки не путались под ногами, когда приходит в гости какой-нибудь великий режиссер или шумная компания заваливается под утро после домкиношного ресторана.

Но и уезжать далеко от этих самых внуков – особенно, конечно, от Юры – бабушка не хотела. Значит, нужна была квартира в соседнем подъезде – и она ее получила.

Но все это происходило так давно, что Ева и не помнила сейчас об этом. Да она ни о чем не помнила, ни о чем не думала – только ждала.

Самые простые действия давались ей в эти два дня огромным усилием. Еве казалось, что все мгновенно догадываются о ее намерениях. Вчера ей стыдно было смотреть в глаза завучу, когда она просила его о выходном посреди недели. Сегодня она боялась столкнуться с кем-нибудь из соседей, торопливо возвращаясь утром от метро к бабушкиному подъезду, – хотя отец, как всегда, работал, мамина зубная эпопея продолжалась, а кому еще могло быть до нее дело? Но она чувствовала себя так, словно шла по раскаленной сковородке.

Только с Юрой поговорить оказалось легко.

Нет, ее совершенно не волновало, кто что скажет и подумает. Ее вот именно тяготила эта необходимость совершать какие-то рациональные действия, чтобы приблизить это мгновение – когда Денис поцелует ее тем удивительным поцелуем, который она не могла забыть… Это должно было произойти само собою, как и произошло туманным утром на пустынном плато. Как дар судьбы, а не как результат ее собственных хитроумных усилий.

Но в жизни все происходит не так, как представляется взбудораженному уму, это Ева уже понимала. Или в лучшем случае не совсем так.

Поэтому она ждала, чувствуя, как текут сквозь нее минуты.

Денис знал, что она ждет его утром, и номер квартиры знал, и как найти этот укромный подъезд. И у него сегодня как раз был библиотечный день, так что, в отличие от Евы, в школе ему договариваться было не надо. Ева даже боялась, что он уже приходил, а ее не застал – пока она спускалась в метро, пережидала внизу, торопливо возвращалась к дому…

Но его не было ни в девять, ни в десять, ни в половине одиннадцатого… В одиннадцать она поняла, что он не придет.

Эта догадка повергла ее в такое оцепенение, что она пальцем не могла пошевелить. Так и сидела, положив руки на колени, как деревенская старуха на старой фотографии.

«Почему он захотел встретиться только сейчас? – медленно, тоскливо проплывало в голове. – Ведь уже месяц почти прошел после Крыма… Он спокойно здоровался со мной в школе, улыбался – точно так же, как Галочке, как Мафусаилу. Что может значить для него все, что между нами произошло? Да ничего!»

Она даже не смогла обрадоваться, услышав короткий, торопливый звонок в дверь. Даже встала не сразу, чтобы открыть.

– Евочка, милая, ты не сердись! – Денис стоял на пороге, капли измороси блестели на рукавах его куртки и на прилипших ко лбу темно-русых завитках. – Сам не знаю, как это я… Вышел, понимаешь, утром пробежаться, как обычно. А на стадионе ребята футбол затеяли. Из нашего дома пацаны, мы с ними мячик кидаем время от времени. Ну, я подумал: погоняю полчасика, согреюсь, утро холодное такое… И сам не заметил, как время пролетело. Часы-то не надел на пробежку!

Денис переступил порог и улыбнулся такой обезоруживающе-ласковой улыбкой, что Ева забыла обо всем. Ясная, чистая радость была в его взгляде – оттого, что он видит ее, что все его тело звенит после недавнего утреннего футбола, от ожидания встречи с нею наедине… Ева сразу почувствовала в нем эту радость молодой прекрасной жизни – и тут же исчезли бесконечные часы тоскливого ожидания, и она положила руки ему на плечи.

– Не обиделась? – спросил Денис, наклоняясь к ее губам.

– Нет, – успела она ответить перед поцелуем. – Да ведь я же не на улице сидела, это ничего…

Все было неважно, все тревоги сгорели в его поцелуе, в страстном и твердом прикосновении его губ, в нетерпеливых объятиях…

Они лежали рядом на бабушкиной кровати. Ева чувствовала мускулы Денисовой руки под своей щекой. Постелить она не догадалась, на это ей уже просто не хватило рассудительно-

сти, и они лежали поверх разноцветного тканого покрывала, которое бабушка привезла когда-то из Перу. Топили в квартире слабо, но Ева не чувствовала холода, прижавшись к горячему Денисову боку. Он лежал на спине, и вторая его рука легко гладила Еву по голове.

– Интересно здесь, – сказал Денис. – Это что за квартира?

– Это бабушкина была, – не узнавая своего голоса, ответила Ева. – Она умерла шесть лет назад. А теперь Юрина, брата, но он все равно с нами живет. Он ведь дома почти не бывает, и зачем ему отдельно жить, готовить и вообще… Я тебе разве не говорила?

– Забыл, наверно. Я думал, может, подружкина квартира. Это что за маска, африканская?

Бабушкина гарсоньерка, конечно, выглядела необычно. Эмилия Яковлевна начала ездить по всему свету еще в туманные для Евы шестидесятые годы, когда самой дальней заграницей для большинства советских людей была Эстония. Маску, о которой спрашивал Денис, она действительно привезла из Африки – из Республики Чад, кажется. Маска была вырезана из тускло поблескивающего черного дерева, и выражение на свирепом лице застыло самое экзотическое.

– Она много ездила, – сказала Ева. – Она кинокритик была, очень известная. В Канн всегда… Знаешь, у нее такой вкус хороший был! Мама говорит, платья она портнихе заказывала такие, что все ахали. Думали, от Шанель, не иначе, а она фасоны сама придумывала. И всегда покупала то, что ей нравилось, сколько бы ни стоило. Если маска понравится – на последние деньги купит маску, хотя нужны, например, туфли.

Ева говорила о бабушке с улыбкой: ей хотелось рассказывать о ней Денису. Рассказывая, она сама вспоминала ее до старости звонкий голос, неблекнущие глаза – в точности Юрины, натуральный кобальт, как говорит Полинка. Даже бабушкина всегдашняя уверенность в собственной правоте теперь вспоминалась легко, без того напряжения, которым при жизни сопровождалась для близких.

В гарсоньерке хранились куклы, привезенные Эмилией Яковлевной из Венеции, и греческая керамика, и китайские вазы, и палехские шкатулки, и японские веера, и метеорит, подаренный ей где-то в Сибири, и еще множество других необыкновенных вещей. Но главное, все это было ею расположено в том особенном порядке, который сохранил дыхание ее жизни, ее кипучую энергию даже спустя годы, прошедшие после ее смерти.

– По-моему, это вообще самое интересное, – сказал Денис. – История рода, предков.

Он высвободил руку из-под Евиной головы, сел, перегнулся через нее, дотянулся до своих брошенных на стул брюк, достал сигареты. Ева смотрела на него – на его голое стройное тело, в котором был теперь покой удовлетворенного желания, на маленькую родинку в самом низу живота, едва заметную сквозь вьющиеся темные волосы – такую же, как в правом уголке губ. Она впервые видела его обнаженным при свете дня, и горло у нее сжималось от счастья и боли, невыразимой и ей самой непонятной.

– А я, знаешь, сейчас тоже генеалогией своей увлекся, – продолжал он, снова ложась рядом с Евой и щелкая зажигалкой. – Такие нити обнаружились, аж голова кругом идет! Может, правда, это всего лишь мои домыслы, – улыбнулся он. – «Баташ» – это ведь знаешь что означает? Крепкий, сильный, могучий, властный. Притом появилось во всех тюркских языках еще веков сто назад, представляешь? Даже хан Батый, может, от того же корня происходил!

Ева вслушивалась в его слова, и сердце у нее замирало от той тихой доверительности, которая чувствовалась в его голосе. Он говорил с ней о том, что его увлекало, он хотел говорить с ней об этом – и это было так много, что не умещалось в сердце.

Тонкая струйка дыма поднималась к потолку, Денис стряхивал пепел в одну из бесчисленных пепельниц, расставленных по всей квартире. Бабушка курила беспрерывно, привозила пепельницы отовсюду, и ни одна не повторялась. Та, что стояла на тумбочке у кровати, была сделана из перламутрово-синей индонезийской раковины.

Все еще болело у Евы внутри от Денисовых страстных, властных ласк, от стремительных порывов его тела. Но это уже была не та боль, которая так ошеломила ее в первую ночь. Теперь

это и не боль даже была, а постоянная память о нем, обо всем его теле, о его неутолимом желании.

– Ты говори, говори, – сказала она. – Почему ты замолчал?

– Мне показалось, ты уснула. Так тихо дышишь.

– Я тебя слушаю, – улыбнулась Ева. – Как же я могла уснуть?

– Да я уже все рассказал вообще-то. – Он смял окурок в пепельнице. – Изыскания в самом начале, так что ничего конкретного пока, просто мне интересно.

– Тебе многое интересно, правда, Диня? – спросила Ева, приподнимаясь на локте и заглядывая ему в глаза.

– Правда, – кивнул он. – Жизнь вообще интересна, разве нет? Разнообразна. Столько всего можно успеть, что просто дух захватывает. Светового дня не хватает! Я знаешь что больше всего люблю?

– Что? – не отводя глаз от его лица, спросила Ева.

– Путешествовать. Только не просто так, не для созерцания, а с какой-нибудь целью интересной. Раскопки там, альпинизм, еще что-нибудь такое. И не один, а чтобы с людьми, которым тоже все интересно. С заводными такими людьми, вот как гаврики мои! Чтоб легкие были на подъем, ничего не боялись бы.

А Ева не знала, любит ли путешествовать. Но если ей этого и хотелось, то именно с какой-то неясной созерцательной целью…

– Ты и правда ведь ничего не боишься, – тихо произнесла она.

Ей не приходилось попадать с ним в ситуации, когда он проявлял бы какое-то особенное бесстрашие. Но она чувствовала его в Денисе – и в голосе его, и в плечах, и даже в том, как он держал сигарету в узкой сильной руке.

– Наверное, – улыбнулся он. – Во всяком случае, пока не было случая бояться. Да и к чему заранее переливать из пустого в порожнее, и чего пугаться, пока молодой, пока сил достаточно? Надо брать от жизни как можно больше, а не цепляться за мелочи.

Это была логика сильного, уверенного в себе мужчины. Ева только не могла понять, отчего так дрогнуло ее сердце при этих его словах.

– Ну, давай еще разок, а? – вдруг прошептал Денис, быстро поворачиваясь к ней и прижимая ее к своему животу. – Ты какая-то скованная была, почему это? Или мне показалось?

Ева так испугалась его слов, что не нашлась с ответом. Конечно, она была скованная, и все снова было для нее почти как впервые. Особенно из-за тусклого, но все-таки беспощадно-ясного света, падающего из окна. Она и сама чувствовала неловкость своих движений и мучилась своей неумелостью настолько, что снова забывала о себе, думая об одном: лишь бы он не почувствовал, лишь бы не отшатнулся!

– Ты не обращай внимания, – шепнула она ему в ответ в самые губы. – Я просто… Я так волнуюсь, Диня! Я же тебя люблю…

– А ты не волнуйся. – Он снова поцеловал ее. – У нас с тобой, по-моему, сразу неплохо получилось, о чем же волноваться? Дальше еще лучше будет! Только давай по-другому попробуем, а? Теперь ты на меня сядь. – Денис произнес это чуть глухо, нетерпеливо и одновременно со своими словами слегка подтолкнул Еву, помогая ей сделать то, что он хотел. – Ага, вот так… Ничего-ничего, я сейчас, сейчас все получится. У тебя, наверно, давно никого не было, да? – Он пригнул ее голову вниз, поцеловал, проведя языком по ее зубам. – Ты не бойся, все будет хорошо, я все для тебя хорошо сделаю…

Еве не было хорошо и в этот раз, но что ей было до себя! Она чувствовала, что Денис действительно хочет не только получить удовольствие сам, но и сделать что-то для нее. И как она могла отвергнуть его порыв, нежный и страстный?

«Все у нас будет… – мелькало в ее трепещущем сознании, когда, подчиняясь движениям его рук и бедер, она то приподнималась, то опускалась на его живот, то изгибала спину, почув-

ствовав, что ему это приятно, что он даже тихо постанывает от удовольствия. – Я люблю его, и он меня, и ему хорошо, и мне будет тоже…»

Ее шпильки упали на пол, волосы рассыпались, сразу освобожденно посветлев, скрывая плечи и грудь.

Тусклый свет зимнего утра едва освещал прильнувшие друг к другу тела, тишина стояла в комнате, и только прерывистое, тяжелое дыхание слышалось в тишине.

Глава 8

Ева так и не могла привыкнуть к тому, что надо как-то существовать в обыденности, как-то прилаживать свою любовь к будням.

Правда, она уже не краснела и не бледнела, встречаясь с Денисом в школе. Но, стараясь казаться беспечной, она все-таки не чувствовала в себе той неподдельной беспечности, с которой он здоровался и болтал с ней на переменах или после уроков в учительской.

Каждую минуту она ждала, что он снова предложит встретиться. Скажет об этом тем же нежным, нетерпеливым тоном, и она снова возьмет ключи… Только вот выходной среди недели – как попросить его опять, если не совпадет с ее библиотечным днем? Или просто прийти незаметно после школы прямо в гарсоньерку? Или встретиться в воскресенье, но что тогда сказать дома?

Ева и сама не понимала, почему так старательно скрывает от родных свою неожиданно вспыхнувшую любовь. Денис был во всех отношениях отличным парнем и наверняка понравился бы им. Он не был женат, она не разбивала ничье счастье, и чего ей было стесняться?

Но, умом понимая все это, Ева так и не могла решиться отдать свое чувство этим волнам – волнам обыденности. Да и Денис пока не предлагал встретиться, и ей оставалось только гадать, почему. Никаких признаков неприязни с его стороны ведь не было…

Конечно, мама давно заметила, что Ева переменилась. Да и как было не заметить этот румянец, то и дело пробивающийся на ее щеках сквозь падающие светлые пряди, и блеск глаз, и таинственную, неизвестно отчего расцветающую на лице улыбку? Едва ли Надя не догадывалась, почему вдруг окутывает ее дочь такое тихое сияние. Догадывалась, наверное, и смотрела с тревогой, но, по своему обыкновению, не задавала лишних вопросов.

Где-то в начале февраля Денис сказал однажды:

– Знаешь, я, кажется, разменяюсь все-таки с предками. Сколько можно жить как мальчик? Они, конечно, женитьбы моей ждали, чтоб разменяться, но это же смешно. Как будто без женитьбы мне свобода не нужна!

Они медленно шли вдвоем по Садовому кольцу. Оба засиделись допоздна, потому что в школе как раз готовился грандиозный праздник – Масленица. Весь день после уроков в мастерских шили костюмы и делали декорации, в актовом зале репетировали, и только недавно удалось отправить детей по домам. Стемнело, наконец-то выпавший снег поблескивал в свете фонарей. Все было обычным для этого времени года, и все повторялось неизвестно в который раз: снег поблескивает под фонарями, мужчина и женщина медленно идут вдвоем по московской улице… Но Ева меньше всего думала сейчас о повторениях.

«Все теперь изменится! – мелькнуло у нее в голове. – Он будет жить отдельно, и ничего не надо будет специально придумывать, устраивать, мы просто будем видеться, когда захотим. Боже мой, всегда!»

Словно прочитав ее мысли, Денис произнес:

– Не знаю только, когда удастся. Хотелось бы, конечно, поскорее, но у нас такая планировка дурацкая, черт ее знает, как такую и разменять! Не квартира, а распашонка.

Ева знала, что он живет где-то в Чертанове и каждый день добирается на работу не меньше часа. Но, кажется, его беспокоило не расстояние.

– Хорошо бы в Крылатское попасть, – продолжал Денис. – Я, знаешь, парапланами увлекся, а там-то как раз – летай не хочу!

– А что это? – спросила Ева. – Вроде дельтапланов?

– Ну, почти, – кивнул он. – Скорее вроде парашютов. Только на них паришь, в воздухе паришь, понимаешь? Я попробовал недавно. Это такой кайф, Ева, ни с чем его сравнить невоз-

можно! Я в Крылатское на лыжах поехал кататься, ну и решил попробовать. У меня в груди все прямо взвихрилось, никогда со мной такого не было! Знаешь, как это бывает?

– Знаю, – улыбнулась Ева.

С ней это происходило, когда он обнимал ее, приоткрывал ей губы поцелуем. Но он был мужчиной, все у него было по-другому. И сердце у него замирало не тогда, когда он целовал женщину, а когда летал на параплане.

«Я, наверное, за это его и люблю, – подумала Ева. – Нет, не за это – я просто так его люблю, и все, что он делает, и лыжи его, и походы, и парапланы…»

В метро им надо было ехать в разных направлениях. Ева с удовольствием проехалась бы до «Чертановской», а потом уже домой: так не хотелось сразу расставаться… Но Денис этого, конечно, не предложил. Да и с какой стати он стал бы предлагать, чтобы она его проводила? О том, когда они встретятся вне школы, он тоже не говорил, и Ева теперь понимала, почему: он просто ждет, когда наконец разменяется с родителями. Но когда это еще будет! И как прожить это бесконечное время без него?

– А у меня день рождения скоро, – сказала она. – Ты придешь?

День рождения у нее был в марте. Ехидная Полинка называла его «рыбным днем»: Рыбы, Евин знак, замыкали годовое кольцо Зодиака.

– Ну, если пригласишь, приду, конечно, – улыбнулся Денис. – Скоро – это когда?

– Десятого марта.

– Хорошо, – кивнул он. – Что тебе подарить?

Ей было все равно, что он подарит и подарит ли что-нибудь вообще. И хотя десятое марта было совсем не скоро, больше месяца еще, но это все-таки была определенная дата, которой можно было ждать. И ведь это не было навязчивостью с ее стороны – назначить встречу, просто пригласив его на день рождения…

Никогда в жизни Ева не ждала своего дня рождения с таким волнением. Разве что в детстве, когда жила у бабы Поли в Чернигове. Но тогда ей три года исполнялось, а не двадцать семь. А таких дат, как ее нынешняя, незамужние женщины вообще-то ждут уже без особенной радости…

Но она ждала встречи с Денисом, и ей было все равно, с чем эта встреча будет связана. Да хоть со столетним юбилеем!

К Евиному удивлению, намерения мамы совпали с ее собственными.

– Ты пригласила бы друга своего на день рождения, – сказала Надя таким тоном, как будто наличие друга было чем-то само собой разумеющимся и всем давно известным. – Все-таки нам ведь хочется его увидеть. И чего ты как маленькая таишься, не понимаю.

Они сидели втроем перед телевизором и смотрели какой-то фильм. То есть Ева только делала вид, что ее интересует фильм. Но она не предполагала, что мама это замечает.

– Пригласи, пригласи, – повторила Надя. – Он ведь в школе вашей работает?

– Да, – удивленно кивнула Ева. – А откуда ты знаешь?

– Ну, ты уж нас совсем дураками считаешь, – улыбнулся, повернувшись к ней, отец. – А где ты еще бываешь, интересно? Да я его и видел, по-моему. Тот, с которым ты в походе была, симпатичный такой, с открытым лицом?

– Да, – смущенно согласилась Ева.

Ей стало так легко, так спокойно! Стоило только родителям на минуту вмешаться в течение ее жизни, и все тут же стало ясным как стекло. Исчезла смутная тревога, и неуверенность в происходящем, и беспричинное ощущение невозможности счастья… Все растворилось в прямом взгляде папиных глаз и в мамином спокойном голосе.

Может быть, впрочем, Надя вовсе не была так уж спокойна за свою старшую дочь, но она умела выглядеть так, как считала нужным, и ни о чем нельзя было догадаться по ее лицу.

– Он придет, – сказала Ева. – Его Денисом зовут. Денис Баташов.

…Уже совсем ночью, когда разошлись гости, которых в этом году было как никогда много – даже детских, дворовых подружек она позвала, – Ева впервые перевела дух.

Весь день все мелькало у нее в глазах, кружилось, дыхание замирало, когда она смотрела на Дениса и не могла поверить: неужели это он сидит на их широком диване, и играет на гитаре, и о чем-то разговаривает с отцом, и говорит какие-то веселые комплименты маме? Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой, но это было так!

Ева помнила каждое его движение, каждый взгляд и каждое слово. И все эти никому не заметные, но для нее такие важные подробности вспыхивали теперь перед ее закрытыми глазами. Гости разошлись, а она сидела на диване, еще хранившем для нее тепло его тела.

– Устала? – спросила мама, незаметно входя в комнату.

Она мыла на кухне посуду, там и сейчас шумела вода, поэтому Ева не слышала маминых шагов.

– Нет, – не открывая глаз, покачала она головой; печать счастья на ее лице и без слов была слишком заметна. – Мне так хорошо… Что ты о нем думаешь, мама?

– Хороший, – помолчав, сказала Надя. – Веселый, легкий. Моторный такой парень! И неглупый, конечно.

Надя как будто бы сказала о Денисе только хорошее, но что-то в ее тоне заставило Еву насторожиться. Она открыла глаза.

– Но – что? – спросила она, вглядываясь в мамино лицо. – Ты что-то еще сказать о нем хочешь?

Конечно, мама хотела сказать что-то еще. Это чувствовалось не только по голосу, но и по мгновенному промельку тревоги в ее глазах. Но сказала она совсем другое:

– Пел хорошо. Про Наденьку. – Надя улыбнулась. – «В любую сторону твоей души…»

Ева тоже помнила, как Денис спел песенку Окуджавы про Надю-Наденьку, весело глядя на маму.

– Ты ее, наверное, в молодости пела, – догадалась она. – Ну конечно, она же тогда и появилась, да?

– Да, – кивнула Надя. – Тогда много было песен.

Новые песни Надя запоминала сразу – достаточно было один раз услышать. А песен было множество, они звучали в доме целый день: неслись из трофейного «Телефункена», крутились на пластинках, слышались на лестничной площадке из-за соседской двери.

Из-за этой двери они, собственно, в основном и появлялись. Надя на слух определяла, когда приезжал из Киева Витя, и тут же выбегала на лестничную площадку, трезвонила в дверь к Радченкам, приплясывая на месте от нетерпения.

– Та иду, иду, Надька, скаженна дивчина! – Тетя Галя открывала дверь и качала головой. – Прыйихав вжэ твой кавалер, иди слухай!

Витька тоже выходил ей навстречу из своей комнаты. И тут начиналось! Он никогда не приезжал без новых пластинок – маленьких «сорокапяток», которые покупал в Киеве. Все это были новинки, самые лучшие, только что спетые Эдитой Пьехой, или Руженой Сикорой, или Ниной Дорда, или еще кем-нибудь из самых лучших певиц, которых Надя могла слушать хоть по сто раз.

То ли музыка, счастливая и беспечная, производила этот удивительный эффект, то ли вообще вся Надина жизнь… Но ей одинаково нравились и те песни, в которых слова были сами по себе хороши, – «Осень, прозрачное утро», например, – и совсем глупенькие, но от этого ничуть не менее прекрасные, вроде «Гусеницы и пчелы», которые вздыхают все «ох» и «ах», от страсти сгорая.

К тому же недавно был Московский фестиваль молодежи, и веселая, юная радость, которой он наполнил всю страну, до сих пор витала в воздухе. Даже здесь, в Чернигове.

Студенты ездили на целину, жили в летних степях какой-то особенной, тоже очень молодой жизнью, и эта целинная жизнь возвращалась с ними в родительские дома, наполняя всех молодостью и чувством счастливого будущего.

Витька и появился в Чернигове только в конце лета именно потому, что ездил на целину со студенческим отрядом Киевского политехнического. На обратном пути он еще зачем-то заезжал в Киев, и вот наконец – дома!

– Расскажу, Надюшка, все расскажу! – вместо «доброго утра» сказал он, как только Надя показалась на пороге. – Рассказов до ночи хватит, дай отдышаться. Я ж не умылся еще с дороги, подожди. Хочешь, новую пластинку пока послушай? – предложил он. – Лолита Торрес, вот кто!

И Витька жестом фокусника повертел перед ее носом пластинкой.

Еще бы не хотеть! Фильм «Возраст любви» с Лолитой Торрес Надя смотрела трижды подряд, хотя для этого каждый раз приходилось отстаивать длиннющую очередь в кинотеатр Щорса.

– «Сердцу бо-ольно, уходи, дово-ольно! Мы чужие, обо мне забу-удь!» – тут же напела она. – Ну, Вить, ну включи же, Вить! «Я не зна-ала, что тебе меша-ала, что тобою избран другой уже путь!»

– Что ж включать? – засмеялся Витька. – Ты и сама не хуже Лолиты поешь. Ладно, ты слушай пока, – сказал он, тоже к чему-то прислушавшись. – Я с другом приехал, он, кажется, кончил уже умываться, – пояснил Витя, выходя из комнаты.

«Наша судьба – две дороги, перекресток позади», – пела Лолита Торрес на новой пластиночке, а Надя слушала, забравшись с ногами на потертый диван и подсунув под локоть вышитую крестиком подушку-думку.

Тетя Галя, Витькина мама, отлично вышивала крестиком – и простым, и болгарским; настоящие картины получались. Она и соседям их дарила. На Надиной кровати тоже лежала такая думочка с вышитой луной, горой и морем. Они вообще дружили с соседями, Надя не случайно так запросто забегала к ним, когда приезжал Витька, которого она знала с самого своего рождения. Только раньше четыре года разницы между ними казались большим сроком, а теперь, когда ей исполнилось шестнадцать, а ему двадцать, – вроде и ничего, и можно держаться на равных, хоть он и киевский студент.

А что насчет кавалера – так какой он кавалер, Витька! Надя не понимала, как может быть кавалером человек, с которым вместе гоняли в детстве по двору и швырялись каштанами.

Тем более что кавалеров у нее хватало и без Вити Радченко. К шестнадцати годам Наденька Митрошина стала так хороша собою, что уж об этом ей беспокоиться не приходилось.

Хотя по-настоящему, правильно хороши были только большие черные глаза, про которые, казалось, и были написаны десятки песен – начиная от «Очей черных». Во всех остальных Надиных чертах чувствовалась какая-то прелестная неправильность. Но ведь она и делает лицо запоминающимся. Нос немножко длинноват, и скулы немножко высоковаты, и подбородок, пожалуй, чересчур четко очерчен и выдается вперед – но все вместе овеяно таким очарованием чистоты и юной серьезности, что невозможно думать о мелочах, глядя на эту маленькую девушку с каштановыми косами, уложенными вокруг головы.

В силе своих чар Надя убедилась этим летом, когда стала ходить на танцплощадку на Вал. Ей не приходилось пропускать ни одного танца. Куда там, только успевай следить, не вспыхнула бы драка из-за того, кому ее приглашать! А после танцев, под утро, партнеры провожали ее толпой и назавтра звонили домой, и если бы она попыталась съесть все мороженое, которым предлагал угостить каждый из них, то, пожалуй, не вылазила бы из ангин.

Мороженое Наденька любила, особенно шоколадное, и ела его с удовольствием, сколько сама хотела, и внимание молодых людей ей было куда как приятно. И вообще, все ее любили, жизнь была прекрасна, а обещала быть еще прекраснее! К тому же у Нади была мечта, а значит…

Витька вошел в комнату, на ходу причесывая мокрые волосы.

– Надюшка, познакомься, – сказал он. – Это Адам, мой однокурсник.

Парень в белой рубашке, входивший в комнату вслед за Витей, остановился в дверях и слегка наклонил светловолосую голову, здороваясь. Потом он поднял глаза, и Надя почувствовала, как сердце у нее замерло и тут же стремительно забилось в груди.

Глава 9

Адам Серпиньски был Витькиным другом с самого первого курса, но приехал к нему домой впервые. Все-таки он был иностранцем, хоть и из соцлагеря, а иностранцу не положено вот так запросто разъезжать по стране где вздумается, даже если речь идет всего лишь о поездке из Киева в Чернигов.

Но фестиваль всех наполнил эйфорией свободы, многое казалось не только возможным, но даже необходимым. И, вернувшись с целины, еще не отойдя от впечатлений, Витька наконец пригласил друга в гости.

По-русски Адам говорил прекрасно, и если бы не легкий акцент, то в нем бы и не опознать поляка. Впрочем, было в нем что-то еще, кроме необыкновенно выговариваемого звука «л», что отличало его от окружающих.

В нем было то особенное, утонченное изящество, которое сказывалось во всем – и в манере наклонять голову, слушая собеседника, и в красивом, точном движении, которым он передавал за столом нож или хлеб, и даже в форме губ, в уголках которых улыбка смешивалась с непонятным удивлением.

Но всего этого Надя не осознавала так отчетливо. Да она ничего вообще не осознавала. Весь вид этого юноши безотчетно поразил ее в то самое мгновение, как он показался в дверях.

И теперь она украдкой приглядывалась к нему, сидя за обильным тети-Галиным завтраком.

Стол ломился от домашней снеди. Холодец, винегрет, горячая картошка с грибами, жареное мясо, еще соленые грибочки, вареники, пироги с яблоками… Витька поглощал все это с таким аппетитом, что его мама только вздыхала:

– Яки ж ты худэньки зробывся, сыночку, чи ты там йив на тий целине?

– Пирожки у вас очень вкусные, пани Галина, – улыбнувшись, заметил Адам. – Моя мама тоже печет некепски штрудель, но ей до вас далеко!

Сам он ел очень мало, но попробовал все, что было на столе, и все похвалил. А Наде и вовсе было не до еды. Тем более что ее трудно было удивить домашними вкусностями: мама готовила, пожалуй, и позамысловатее тети Гали, а этих самых пирожков знала сотню рецептов, не меньше, и Надю давно уже научила.

– Английский, конечно, надо учить, – говорил тем временем Витя. – Или хоть французский, что ли. Что у нас за иностранный язык в Политехе, смех сказать! Сдал да забыл. А потом стоишь перед иностранцем столб столбом, ни бэ, ни мэ, ни кукареку! Вот китайцы у нас учатся, так они…

Конечно, больше всего Витька рассказывал о целине: о том, как ловили сусликов в степи, как он работал на комбайне ночью, об арбузных бахчах до горизонта… Но его рассказ, которого Надя так ждала, теперь совсем ее не занимал. Ей гораздо важнее было наблюдать, как слушает Адам, чем следить за самим рассказом.

«Я с тоской ловил взор твой ясный…» – пел нежный мужской голос на пластинке.

Окна были распахнуты, жаркий августовский ветер то и дело раздувал занавеску, теребил кружева на воротничке Надиного платья.

Вообще-то она совсем не была застенчива. В их классе даже считалось, что Надя Митрошина обладает самым острым язычком и кого угодно может отбрить запросто; да так оно и было. И она сама не понимала, с чем связана ее нынешняя робость.

Конечно, Адам поразил ее воображение. Сердце у нее колотилось быстро-быстро, когда она ловила на себе взгляд его светло-серых, с глубокой поволокой глаз. Но дело было не только в обычном волнении, которое испытывает каждая юная девушка в присутствии красивого молодого мужчины. А в чем еще – Надя что-то не понимала…

– Надолго вы приехали? – поинтересовалась она, глядя на друзей – так что непонятно было, к Адаму она обращается на «вы» или просто спрашивает обоих сразу.

– Ага, – ответил Витька, – до сентября. Наговоримся еще, накупаемся. На танцы сходим, – подмигнул он товарищу. – Адам у нас танцует – блеск, а поет – как Мадуньо, ей-Богу!

Доменико Мадуньо был кумиром всех девочек, его песнями заслушивались даже больше, чем «Арабским танго» Батыра Закирова. Когда Мадуньо пел «Блю-блю-блю канари», в его голосе слышалась такая ласковая беспечность, что мудрено было не подпасть под его обаяние.

– Ну, и меня тогда с собой возьмите! – засмеялась Надя. – Не помешаю?

– Не помешаешь, не помешаешь, – успокоил Витя. – Все еще помнишь, как я тебя в кино брать не хотел?

Конечно, Надя помнила, как лет десять назад ревмя ревела, умоляя, чтобы Витька взял ее в летний кинотеатр «Десна»! А он ни за что не хотел позориться перед хлопцами, таская за собой малявку, и только материнская оплеуха заставляла его мириться с такой участью.

– Конечно, вместе пойдем. – В голосе Адама необъяснимым образом чувствовалась та же таинственная поволока, что и во взгляде. – Прошам с нами, милая Надя!

Две недели, оставшиеся до сентября, тут же расцветились таким удивительным смыслом, что Надя даже зажмурилась, представив себе это бесконечное время.

На танцы ребята собрались только на следующий вечер: в первую ночь Витька хотел отоспаться хорошенько. И, как обещали, позвали Надю.

Старинный Вал когда-то защищал город от татарского нашествия. С более поздних, но все равно древнейших времен на нем стояли пушки, подаренные Петром Великим. Надя считала склон Вала самым красивым местом в Чернигове. Хотя вообще-то и белая Екатерининская церковь с золотыми куполами была хороша, и Болдина гора, и даже маленький скверик возле главной площади, который назывался «На жабках» из-за зеленых каменных лягушек вокруг фонтана.

«На жабки» водили гулять всех черниговских детей, и Надю когда-то тоже. А в парк на Валу ходили танцевать, и туда она шла теперь с Витькой и Адамом.

Летом танцы начинались поздно, когда сумерки сгущались наконец над Десной.

Надя собиралась в этот раз на танцы так тщательно, как никогда в жизни. Вообще-то платья у нее были красивые, и она не знала забот о том, что надеть. Мама хорошо шила, а отец часто ездил по своим директорским делам в Киев и не скупился, выбирая в столичных магазинах самые лучшие отрезы для единственной дочки. Так что одета она была не только не хуже других, а, пожалуй, даже лучше.

Но сегодня Наде хотелось одеться не просто красиво, а так, чтобы Адам почувствовал в ней… Что-то особенное чтобы в ней почувствовал, чего нет в других! Это желание как раз и повергло ее в глубокое раздумье перед открытым шкафом.

Наде вдруг показалось, что это так трудно – выглядеть в его глазах не такой, как все… Да просто невозможно! Она смотрела на собственное отражение в зеркале, укрепленном на внутренней стороне дверцы шкафа, и не находила в своей внешности ничего, что могло бы привлечь внимание такого юноши, как Адам. Самое обыкновенное лицо, ничего особенного. Длинноносая, скулы торчат, и ухмылка какая-то глупая… Она едва не заплакала. Все, что совсем недавно казалось ей в себе вполне привлекательным, теперь представлялось слишком простым и даже грубым. И платья, которые так ей нравились, были, конечно, точно такими же, как у всех.

Но время приближалось к одиннадцати, надо было что-то выбрать, и, вздохнув, Надя сняла с вешалки самое новое свое платье. Мама сшила его по свежему номеру журнала «Рижские моды», и если судить объективно, а не поддаваться какому-то смутному волнению, это было как раз такое платье, которое без смущения могла бы надеть даже знаменитая певица.

Оно было сшито из светло-голубого креп-жоржета, а пояс сделан из широкой атласной ленты, чуть более темной, чем общий фон. Но главное его очарование заключалось, конечно, в юбке, которая стояла пышным колоколом, как и полагалось по последней моде. Для этого Надя сама накрахмалила нижнюю хлопчатобумажную юбку так, что она чуть не ломалась в руках. И верхняя, легкая, поэтому лежала пышными волнами.

У неглубокого выреза был приколот маленький букетик синих колокольчиков, которые смотрелись как живые. Этот букетик папа еще в апреле привез из Киева вместе с отрезом креп-жоржета и атласной лентой. Мама даже удивилась тогда.

– Смотри-ка, Паша, можешь выбрать, когда захочешь. Красота какая! Ну и хорошо, к выпускному сошьем Надюше, – сказала она.

Но как было ждать до выпускного – еще целый год! Конечно, Надя упросила маму сшить платье уже к этому лету.

– Ну ма-ам, – ныла она, – ну сшей, ну пожалуйста! А на выпускной, если хочешь, я его тоже потом надену!

Хитрая она была девочка, Наденька: конечно, мама не позволила бы ей пойти на школьный выпускной бал в надеванном платье. И выдерживать долго ее горячие просьбы – на это у Полины Герасимовны тоже не хватило бы терпения. Все-таки Надя была их с Павлом Андреевичем единственной дочкой, поздней, долгожданной. Да и что плохого в том, что девочке хочется обновку? На то она и девочка. А Надюша у них хоть и нетерпеливая, но добрая и умненькая – пусть ее!

Это долгожданное платье Надя и надела наконец, собираясь на танцы.

Она окинула себя повеселевшим взглядом и решила, что выглядит, пожалуй, неплохо. И голубой цвет идет к ее глазам, потому что белки у нее голубоватые. И, может быть, оно все-таки проявится в ней, это особенное, не как у всех… Она пожалела только, что идет не вдвоем с Адамом. Конечно, третий был лишним, но не скажешь же об этом Витьке!

Кажется, Адам оценил ее усилия. Во всяком случае, когда Надя спустилась к ожидавшим во дворе студентам, он встретил ее таким откровенно восхищенным взглядом, что ей даже глаза захотелось отвести от смущения. Надя улыбнулась – и тут же замерла от неожиданности, потому что Адам взял ее руку в свою и поднес к губам.

– Привыкай, Надюшка, – усмехнулся Витя. – Это у них принято, ясновельможным паненкам ручки целовать!

Никто никогда не целовал Надину руку. Она только в кино такое видела, но даже представить не могла, как это прекрасно, когда светлая голова склоняется над твоими пальцами и губы прикасаются к ним – нежно, едва ощутимо – и тут же поднимаются на тебя глаза с поволокой… Она мгновенно забыла о том, как выбирала платье, и как разглядывала себя в зеркало, и как хотела казаться необыкновенной. Он сам был необыкновенный, этого невозможно было не почувствовать!

– Пошли, пошли, – поторопил Витя. – Давно началось, наверно.

Витька не обманул: Адам действительно танцевал так, что можно было забыть обо всем. Это Надя тоже почувствовала сразу, во время первого танца, на который он ее пригласил. Под первую же мелодию, которая зазвучала, едва они вошли на танцплощадку.

Всю недолгую дорогу до Вала Надя старалась не думать о том, как это будет – их первый танец… Как она положит руки ему на плечи, как совсем близко окажутся его чудесные глаза, так волнующие непонятной своей, светлой глубиною. Она невпопад отвечала на Витькины расспросы – кажется, о том, пошел ли в армию Мишка Хвылевой или не взяли из-за плоскостопия, да приезжал ли этим летом из Ленинграда Коля Малышев или опять закатился на все каникулы на комсомольскую стройку…

Адам шел рядом, и она все время чувствовала его присутствие, хотя он не произносил ни слова.

И вот они танцевали под первую томительную мелодию, и Надя боялась, что не попадает в такт от растерянности – его рука обнимала ее талию… Впрочем, опасения были совершенно напрасны. Адам вел ее легко, непринужденно и с какой-то особенной лаской; сбиться было просто невозможно. Щеки у Нади пылали от скрытого волнения, которым вся она была охвачена.

– Ты очень хорошо танцуешь, – наконец смогла она выговорить; уже звучали последние такты «Бессаме мучо». – Наверное, вы с Витей часто на танцы ходите в Киеве?

Адам слегка наклонил голову, прислушиваясь к ее вопросу, и его щека на мгновение коснулась ее волос. Наде показалось, что по ней пробежал разряд, как от удара молнии.

– Ходим. – Он улыбнулся. – В Киеве красивые танцплощадки – знаешь, на склонах Днепра. Только они называются так смешно.

– Как? – спросила Надя.

Она обрадовалась, что он поддерживает разговор так же непринужденно, как танцует, и можно не смущаться и даже смотреть в его глаза как ни в чем не бывало. Глаза Адама светились изнутри таинственным сиянием.

– Одна называется «Кукушка», другая называется «Жаба», – ответил он.

– Почему? – удивилась Надя.

– Я не знаю точно, но, по-моему, просто из-за картинок, – сказал Адам. – Там у входа нарисованы эти кукушка и жаба. Но я не могу понять, зачем. Просто так! – засмеялся он. – Здесь у вас так много делается просто так, мне иногда даже трудно зрозуметь! Сначала мне бывало поэтому грустно – потому что я не розумел, чего люди хотят, а теперь…

– А теперь понимаешь? – не удержалась от улыбки Надя.

– И теперь не все розумею. Но теперь я много что полюбил. И мне уже почти не бывает так… тенскнотно, – объяснил он.

Танец кончился. Адам отвел Надю на место и сам встал рядом с нею. Она была готова танцевать с ним все танцы подряд, но это ведь было невозможно, как-то неловко… И Надя протанцевала следующий танец с Костиком, который то и дело приглашал ее в прошлый раз, а потом с Витькой, а потом уже все танцевали новомодный быстрый твист, и она развеселилась, волнение ее немного утихло. И когда Адам пригласил ее в следующий раз, она уже смогла взглянуть на него тем милым взглядом, одновременно серьезным и веселым, за который ее любили друзья и от которого млели ухажеры.

– Ты тоже очень хорошо танцуешь, Надя, – сказал Адам. – Мне даже неловко отнимать тебя от твоих кавалеров!

– Ерунда, – засмеялась она. – Не умрут! А почему ты на инженера решил учиться?

– Почему же нет? – улыбнулся он. – Это хорошая специальность. Я буду строить дома, разве это не нужно?

– Да нет, конечно, нужно, – слегка смутилась она. – Просто мне показалось… Мне показалось, ты должен бы на кого-нибудь другого учиться! На художника, например.

– Я не умею рисовать. – Улыбка не сходила с его лица, когда он смотрел на Надю. – Я люблю стихи, даже пытался писать стихи, когда учился в школе, и думал, что буду кем-нибудь… Может быть, даже поэтом.

– Почему же передумал? – заинтересовалась она.

– Потому что… Это не очень приятно объяснять… Слишком много идеологии, а мне этого не хочется. И во всем, что связано с литературой, с искусством. Мне не хочется! Лучше я буду строить людям дома.

– А я хочу быть художницей, – сказала Надя.

Она сама не ожидала, что вот так, вдруг, скажет ему об этом. Это было ее сокровенной, потаенной мечтой, о которой даже мама не знала: думала, дочка просто любит рисовать, так ведь мало ли что она любит – танцевать, например, песни слушать…

– Правда? – почему-то обрадовался Адам. – И ты уже рисуешь?

– Да, – кивнула Надя. – Но, наверно, не очень хорошо. Я занималась раньше в Доме пионеров, но теперь нигде.

– Ты покажешь мне свои рисунки? – попросил он. – Мне очень хотелось бы поглядеть!

– Д-да… – пробормотала она. – Потом покажу…

Она уже сама была не рада своим словам. Надя вдруг подумала о своих рисунках примерно так же, как час назад думала о своей внешности. Все эти причудливые травяные узоры показались ей такой пустой девической забавой…

– Ты сама похожа на картину, – вдруг сказал Адам, и Надя тут же забыла и про рисунки свои, и про сомнения. – Такой чудесный женский портрет, старинное очарование… У нас в Кракове есть Вавельский замок, там много висит старинных шляхетских портретов. Ты похожа на такую женщину, какие есть на них! – И, помолчав, он добавил: – Я думаю, ты еще похожа на жену Пушкина, такое же прекрасное лицо.

Никто никогда не говорил Наде ничего хотя бы отдаленно подобного этому. Ей даже страшно стало от той высоты, на которую возносили его слова! Она словно вдохнула особенный, разреженный воздух, какой бывает на недосягаемых вершинах; невозможно долго дышать таким воздухом…

Они стояли посередине танцплощадки, и Адам по-прежнему обнимал ее за талию, хотя музыка уже кончилась.

Домой они возвращались вдвоем. Витя исчез, как сквозь землю провалился, еще в середине вечера. Танцуя с Адамом, краем глаза Надя видела, что Витька вовсю увивается вокруг какой-то высокой светловолосой девушки в белом платье. Наверное, с ней он и ушел с танцплощадки. Впрочем, Наде было не до него.

Танцы еще не кончились, музыка еще звучала, но они с Адамом ушли не сговариваясь – просто направились сразу после очередного танца к выходу… И медленно шли теперь по Валу, но не к дому, а по аллее, вдоль которой стояли петровские пушки.

Полная луна давно взошла, весь склон Вала был залит ее серебряным светом. И лицо Адама казалось бледнее, чем днем, и от этого его очарование становилось еще больше. Если оно вообще могло быть больше.

– Как у вас тихо, – сказал он, останавливаясь у пушечного лафета. – Как тихо у вас, как просто… Можно гулять до утра, чувствовать себя в одиночестве. Нет, чувствовать себя с тобой, – сказал он.

В его словах всегда ощущалась та легкая, едва уловимая неправильность, которая придает речи живость и глубину.

– Ведь это ужасно – когда невозможно просто так пройтись с девушкой, когда и в этом находят что-то… Для общего интереса! – сказал он. – У нас недавно разбирали одного студента за то, что он шел по улице с девушкой и положил руку ей на плечо. Сказали, что это аморально.

– А как же об этом узнали? – удивилась Надя.

– К ним подошли дружинники, прямо на улице. Записали его фамилию и факультет, и ее тоже.

– Хоть про нее бы им не сказал, – пожала плечами Надя. – А вообще-то надо было просто дать им по морде, этим дружинникам!

Эти слова вырвались у нее невольно. Очень уж ее возмутила рассказанная Адамом история! Но она тут же подумала, что, наверное, слишком грубо высказала свое мнение.

– Может быть, – улыбнулся Адам. – Но в таком случае это приходилось бы делать каждый день. Здесь эти собрания бывают слишком часто. Недавно разбирали еще одного парня, потому что с танцплощадки пришла бумага, а в ней было написано, что он нарушал стиль танца! Ты что-нибудь понимаешь? Как это можно нарушить стиль танца, и при чем здесь собрание факультета? Но никто даже не возмущался: все привыкли.

Надя не знала, что на это сказать. У них в школе ничего подобного не было. Бывали, правда, диспуты, но все больше на разные интересные темы – «Что такое счастье?», например. Да вообще-то никто и не решился бы пройтись по Чернигову в обнимку с девушкой. Вернее, ни одна девушка не решилась бы так себя вести, и она сама, пожалуй, тоже.

И в ту же минуту Надя подумала: если бы Адам положил руку ей на плечи, она забыла бы, идет ли днем по людной улице или по пустой аллее ночного Вала…

Словно в ответ на ее мысли, в конце аллеи показалось несколько человек. Надя не сразу узнала их издалека, и только когда они подошли совсем близко, она поняла, что во главе компании идет Костик, ее главный танцевальный партнер. Вид у всех четверых парней был мрачный и не оставлял сомнений в их намерениях. Ну, еще бы, дали бы они какому-то заезжему хлыщу за здорово живешь уводить из-под носа лучшую девушку!

– Гуляете? – небрежно поинтересовался Костик, останавливаясь в двух шагах от них. – Надя, ты иди домой, тебя вон Генка проводит, – не допускающим возражений тоном заявил он.

Но тут Костик, конечно, ошибся. Может, кто-нибудь другой воспринял бы его наглый тон как не допускающий возражений – только не Надя. Еще не хватало, чтобы кто-то указывал, что ей делать и куда идти! Она даже рассердиться не успела – ей просто стало смешно.

– Да-а? – протянула она, глядя прямо на него и слегка прищуриваясь, как будто свет луны стал слишком ярким. – Еще что скажешь? – И, не дожидаясь ответа, решительно добавила: – А ну, отойди с дороги, дай пройти!

Вот уж у нее точно был при этом такой голос, что мало кто решился бы возражать! Похоже, Костик слегка опешил. Все-таки он не очень хорошо знал Надю – так, танцевал пару вечеров, и учились они в разных школах.

Неизвестно, что он ответил бы на ее сердитый приказ; может быть, дело приняло бы не совсем безобидный оборот. Даже наверняка так оно и было бы: все-таки хлопцев было четверо, и вид у них был решительный. Да и Адам, стоявший рядом с Надей, незаметно шагнул вперед… Но сделать что-нибудь решительное ни один из них не успел.

– Хлопцы, що це такэ? – раздалось за спиной у Нади и Адама. – Чего это вы дружку моему даже прогуляться спокойно не даете? Ну-ка, Костя, отойдем на минутку!

Обернувшись, Надя увидела Витьку – впрочем, она и так узнала его по голосу. В его голосе сквозила насмешка и уверенность в собственных силах, которую сразу чувствует противник. Правда, едва ли можно было считать противником Костика с его компанией. И уж конечно, не мог его считать противником Витька, помнивший Костика сопливым пацаном, которому не раз доводилось запросто давать по шее. Потому его голос и звучал так весело.

– Да вы идите, идите, гуляйте, – сказал он Наде с Адамом. – Ну что вы стали, как маленькие, ей-Богу? Мы тут с хлопцами побалакаем трошки!

Адам недоверчиво посмотрел на друга, а Надя засмеялась и легонько дернула своего спутника за рукав белой рубашки.

– Пойдем и правда, – сказала она. – Да ты не бойся, Витя драться с ними не будет, ему помощь не нужна!

С этими словами она крутнулась на маленьком каблучке – так, что взметнулась голубая юбка, – и легко пошла в обратную сторону по аллее. Адаму ничего не оставалось, как последовать за нею.

– Может быть, мне все-таки не надо уходить? – спросил он, догоняя Надю, но не переставая оглядываться. – Почему ты знаешь, что Вите не придется с ними подраться?

– Да ну, – засмеялась Надя, – какая драка, ты что! Они ж маленькие еще. Так, выставляются просто. У нас же тут спокойно, ты же сам сказал, – добавила она для пущей убедительности.

Надя даже рада была этому неожиданному приключению: зато ее смущение совсем прошло, сменилось беспричинной легкостью. Теперь она шла рядом с Адамом, краем глаза любуясь его смущением, и поддразнивала его своим весельем и задором.

– Все-таки… – сказал он, – …это как-то…

– Да никак это! – продолжая улыбаться, покачала головой она. – Правда, Адам, это же все смешно и больше ничего! Пойдем… – И Надя снова потянула его за рукав.

Но в ту секунду, когда она невольно дотронулась до его локтя, Надю снова охватило смущение, от которого, как ей казалось, она совсем было избавилась. Она не могла чувствовать себя с ним так непринужденно, как с Витькой, да как с кем угодно! Этот его взгляд из глубины глаз, и какие-то неведомые чувства, от которых лицо его меняется так мгновенно, так для нее необъяснимо…

Надя снова отвела глаза и невольно пошла быстрее. Адам тоже прибавил шагу, и до дому они дошли в молчании.

Все эти дни позднего лета слились для Нади в стремительный и волшебный круговорот. Конечно, они виделись с Адамом каждый день. Да и как было не видеться, когда двери в их квартирах почти что и не закрывались? Так оно и всегда бывало, когда Витька приезжал на каникулы. Их старый, стоящий на центральной, но тенистой и тихой улице двухэтажный дом и состоял-то всего из двух квартир на втором этаже; внизу располагалась контора ОРСа. Так что они были друг другу единственными соседями и близкими людьми, и Надя к этому привыкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.